

Тайна старой графини

Автор:

[Наталья Александрова](#)

Тайна старой графини

Наталья Николаевна Александрова

Роковой артефакт

Императрица Екатерина Вторая была известна своей любовью к драгоценностям и считалась одним из крупнейших коллекционеров эпохи. Особое место в ее коллекции занимал изысканный перстень работы великого мастера Бенвенуто Челлини, украшенный крупным сапфиром и бриллиантами. По легенде, этот перстень обладал необычными свойствами и приносил своему владельцу удачу во всех начинаниях.

Петербурженка Екатерина Коваленко знала толк в украшениях и даже имела несколько собственных бриллиантов, однако подарок одной эксцентричной пожилой дамы, с которой она познакомилась на отдыхе на Канарах, привел ее в восторг и озадачил одновременно. Новая знакомая утверждала, что теперь Катя – обладательница перстня самой Екатерины Великой и ее ждет большое будущее.

Катя не поверила чокнутой старухе, но с этой минуты ее жизнь круто изменилась...

Ранее книга издавалась под названием «Перстень Екатерины Великой»

Наталья Александрова

Тайна старой графини

© Н. Александрова, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

– Екатерина Алексеевна! – Валентина стукнула в дверь и тут же вошла, не дожидаясь разрешения. – Вам из агентства прислали!

– Что такое, что еще? – Катя рванула со стула халатик, она как раз примеряла новый бюстгальтер.

– Я говорю – вам билеты из агентства прислали! – громко, как глухой, повторила Валентина. – Сейчас курьер приезжал!

– Положите на стол! – с досадой сказала Катя, она запуталась в рукавах халата. – Спасибо! – спохватилась она. – Можете идти!

И увидела в зеркале насмешливый Валентинин взгляд. Противная баба верна себе, постучит для приличия – и сразу в комнату прется! Да еще смотрит всегда презрительно, чуть ли не с издевкой.

Катя не поняла, к чему сейчас относилась насмешка Валентины – к ее фигуре, к ее маленькой груди или еще что-нибудь придумала домработница. Сама себя Валентина величает экономкой, а на самом деле обычная домработница. Свекровь считает, что много прислуги в доме не требуется, кроме Валентины есть еще няня для Павлика. Та тоже считает себя не няней, а воспитательницей. Ее нашла свекровь, уволила веселую хохлушку Галю – мальчик, говорит, вырос, пять лет уже, незачем ему общаться с малограмотной няней. Нужно обучать ребенка по специальной системе. Эта новая воспитательница, Эльвира Никодимовна (одно имя чего стоит!), представила кучу дипломов и рекомендаций. Конечно, может, у нее за плечами два института да еще разные курсы – целый портфель бумажек принесла, но Павлик ее боится. А она детей вообще не любит, в этом Катя уверена, и никакие дипломы ее в обратном не убедят. Но со свекровью не поспоришь...

Катя затянула халат шелковым пояском и подошла к туалетному столику, куда Валентина бросила билеты. Так, вылет послезавтра, пятнадцатого ноября, Петербург – Тенерифе... минуточку, а почему билетов только два? Взрослый и детский, Екатерина Коваленко и Павел Коваленко. А как же Петя?

Валентину она нашла на кухне, та резала лук, у Кати сразу же защипало глаза.

– Вы ничего не перепутали? – спросила она. – Здесь не хватает одного билета...

– У меня нет такой привычки, чтобы путать, – не поворачивая головы, ответила Валентина, – что мне курьер в руки отдал, то я вам и принесла.

– Он уже ушел?

– Давно! – Валентина посмотрела на Катю и пожала плечами, в глазах ее определенно читалось: «Спохватилась, тетеха! Ты бы еще через час прибежала!»

За что она Катю презирает? Ведь Катя никогда ей ничего плохого не делала! И только с Катей она такая, с мужем лебезит, в рот ему смотрит, перед свекровью по стойке «смирно» стоит: «Будет сделано, Елизавета Петровна!»

Ну, со свекровью-то все так. Это не женщина, а генерал. Да что там генерал – маршал Советского Союза!

Катя прошла по коридору в сторону кабинета свекрови и услышала голоса. Ну конечно, муж сейчас там, где ему еще быть! Свекровь по утрам устраивает дома, как она выражается, предварительную летучку, то есть перед тем, как поехать на работу, обсуждает с сыном планы на день. А вечером, перед сном, она обязательно должна подвести итоги, устроить, опять-таки по ее собственному выражению, разбор полетов. Иногда эти их ночные разговоры затягиваются так, что Катя засыпает, не дождавшись мужа.

Ну это-то как раз неважно, они уже давно не молодожены, с сексом не напрягаются. Но свекровь завела такой порядок и никогда от него не отступает – хоть в будни, хоть в праздники, хоть в Новый год, хоть в день рождения Петенька должен перед сном у нее побывать и отчитаться о

проведенном дне.

Хотя Петенькой она сына никогда не называет – только Петром. И самое интересное, что все решения свекровь принимает сама, муж Кате жаловался как-то, что на его предложения она лишь рукой махнет, будто он ребенок маленький, неразумный и к его словам всерьез относиться нельзя.

Катя нерешительно потопталась перед дверью. Очень не хочется сталкиваться со свекровью, но ведь скоро придет за ними машина, нужно торопиться.

– Петя! – Она постучала в дверь. – Можно на минутку?

– Ну что еще? – Свекровь недовольно повернула голову в ее сторону.

Катю словно окатило ледяной водой. И вроде бы как женщина свекровь не уродина – не толстая, волосы пышные, черты лица правильные, хоть и крупноваты. Но этот взгляд – тяжелый, пронизывающий и вместе с тем холодный, оценивающий...

Впрочем, на Катю она так не смотрит – давно уже разглядела и оценила, чуть ли не с первого взгляда. И мысленно ярлычок приколола. Уж если свекровь мнение о человеке составила, то это навсегда. Навечно. Петя говорит, что она никогда не ошибается, глаз у нее верный. Умная она женщина, с мужчинами в бизнесе на равных. Да только Кате с того ума ни жарко ни холодно. И Катю она не то чтобы не любит – много чести! – а просто не замечает. Как букашку какую-то, комара надоедливого. Надо бы прихлопнуть, да рукой махнуть лень. Так что пускай летает, пока не мешают. А если мешать начнет, мы его раздавим. Это мы можем.

– Простите, Елизавета Петровна, мне нужно с мужем поговорить! – сказала Катя, стараясь, чтобы голос ее звучал по возможности твердо и решительно.

– Говори быстрее! – отрывисто приказала свекровь. – Времени нет, сейчас машина придет! На совещание опаздываем!

«У вас каждый день совещание!» – подумала Катя.

– Петя, там какая-то путаница с билетами... – обратилась она к мужу, – понимаешь, из агентства прислали только два, на меня и Павлика...

– Слушай, ты что – сама разобраться не можешь? – махнул рукой муж и отвернулся – Ну, в самом деле, простой же вопрос...

Катя сразу поняла, что с ним что-то не то. Ведь за шесть лет семейной жизни она хорошо его изучила. В глаза не смотрит, голос какой-то суетливый... Врет, что ничего про билеты не знает, поняла она.

– В чем дело? – спросила она упавшим голосом. – Что случилось?

– Ничего не случилось, – спокойно ответила свекровь, – ты поедешь отдыхать с сыном, потому что Петр нужен мне здесь.

– Но всего одну неделю... – пролепетала Катя, – вы же обещали... задолго...

– У нас изменились обстоятельства, – отчеканила свекровь, – это связано с бизнесом, в подробности я вдаваться не стану, ты все равно ничего не поймешь, да и не нужно тебе.

– Но мы так хотели... И Павлик просил...

Катя бормотала что-то, а сердце будто сжала жесткая ледяная рука. Она так ждала этой поездки! Лежа ночью, она представляла себе теплое море, ласковое солнце, и они втроем на пляже. Павлик строит замок из песка, собирает ракушки, ловит маленьких крабов, Петя учит его плавать, а она наблюдает за ними, лежа в шезлонге. Или теплой южной ночью, когда кожу ласкает прохладный ветерок, они сидят на террасе, попивая коктейли, или под тихую музыку она скользит в танце в объятиях мужа... Дорогой отель, вежливые официанты, приветливые горничные, и они втроем, своей семьей. Никаких разговоров о бизнесе, телефон не звонит. Свекрови нет...

Обычные мечты, ничего оригинального, все как бывает на курортах. И всего-то просила она неделю отдыха...

Она не заметила, что сказала эти слова вслух.

– Отдыха? – Свекровь подняла брови. – Было бы от чего тебе отдыхать! Ребенка на море вывезти нужно, я согласна. Вот и вывези, тебе все предоставлено – лучший отель, билеты в бизнес-классе.

Ведь муж ей обещал, она поверила, два платья купила, купальник новый... Катя ничего не видела от внезапно подступивших слез. Она неестественно заморгала, слезы все равно пролились и покатались по щекам.

– Прекрати реветь! – Свекровь брезгливо поморщилась. – Совершенно не из-за чего устраивать истерику! В конце концов, ты должна понять: бизнес – это главное! Мы стараемся для семьи, а стало быть, и для тебя тоже. Когда-нибудь Павлик получит все это, основание закладывается сейчас. А у тебя нет никаких причин расстраиваться, просто бабские капризы. Живешь на всем готовом, ни в чем тебе отказа нету! Впрочем, о чем это я, ты не способна понять простые вещи. Вытри немедленно сопли!

Катя поискала платок, но в этом халатике не было карманов.

– Возьми себя в руки! – Свекровь схватила с письменного стола салфетку и протянула Кате.

– Елизавета Петровна, машина пришла! – Валентина стояла в дверях, глаза ее блестели от любопытства.

– Выйди вон и закрой дверь! – бросила ей свекровь, не обернувшись.

Валентину как ветром сдуло.

– Нам пора ехать. – Петр нарушил молчание. – Катя, вечером поговорим!

Проходя мимо, он попытался погладить ее по спине, но Катя дернула плечом и выскочила из комнаты. Его прикосновение показалось ей неприятным, хозяйским – так возница уверенно поглаживает строптивую лошадь.

– Значит, ты ей ничего не сказал? – спросила мать у сына. – Испугался бабской истерики и нытья?

Он отвел глаза.

- Ох, сын... - она вздохнула, - все-то за тебя матери делать приходится...

Катя провалялась в кровати все утро. Слезы кончились, но заболела голова, и сил не было встать. Да и зачем? На нее накатила тяжелая депрессия.

У нее никого нет. Муж ее не любит, если бы любил, нашел бы способ договориться с матерью, чтобы побыть с семьей хоть неделю. Свекровь Катю презирает, но Кате это все равно, она сама давно и прочно ненавидит ее. Да-да, эту женщину она ненавидит и не желает ей смерти и тяжелой болезни только потому, что нельзя желать никому плохого, ибо если у того человека сильное защитное поле, то все плохие пожелания от него отскочат и на тебя же попадут. У свекрови не поле, а монолит, атомным взрывом не пробьешь, так что полетит все на Катю. Или, не дай бог, на Павлика.

Павлик, конечно, родная душа, но он еще маленький, ему не пожалуешься. Захотелось прижать светлую головку сына к груди и посидеть так хоть немножко. Но ведь сейчас время занятий, и эта ведьма Эльвира Никодимовна ни за что ее к сыну не пустит. «Главное - это режим!» - заявила она при первой встрече. И разумная строгость. Павлик ее боится, это точно, оттого и тихий стал, послушный. Вот бы Эльвиру уволить! Но нельзя, это свекрови ее кто-то рекомендовал.

Так что никого у Кати нет, чтобы пусть и не заступился, а хотя бы посочувствовал. Ни родителей, ни братьев-сестер, ни подружки закадычной. Насчет подруг свекровь сразу предупредила - в дом никого не водить, чтобы никто не шнырял да не рассматривал тут все. И не болтать никому про их жизнь. А какая это жизнь, когда они с Петей все время на своем канале пропадают, их и дома-то нету...

Но близких подруг как-то не завелось у Кати. Есть приятельницы, с которыми можно кофе попить или по магазинам побегать, такие же, как она, молодые мамы, что дома за мужьями сидят, так с ними откровенничать ей и в голову не придет. Там все друг друга знают, сразу же начнутся разговоры да пересуды. Дойдет до свекрови, устроит она Кате!

Мама далеко, в Штатах, в городе Бостоне. Живет там с мужем, вроде бы счастлива. В Россию не приезжает, в последнее время они даже по скайпу не разговаривают. Так, имейл пришлет – как ты, как Павлик? А Катя ей в ответ фотографию, маме и хватает.

Они с отцом развелись, когда Кате восемнадцать лет было. Отец до этого много работал, создавал фирму. А как все получилось, он чуть расслабился, тут его и подхватила Маргарита. А может, у них давно это было, только мама с Катей не подозревали. В общем, как уж там вышло, ребенком она его взяла или чем еще, но женился отец на Маргарите почти сразу же. Она его на пятнадцать лет моложе, роскошная такая девица была, где уж тут маме с ней соперничать... А через пять месяцев Маргарита сына родила.

Мама, кстати, неплохо развод перенесла, скандалов не устраивала. Отец им хорошую квартиру оставил, Кате учебу оплатил. Маме, конечно, пришлось снова работать пойти – английский преподавать, как раньше. Катя тогда училась и вовсю развлекалась, с отцом они встречались изредка, на праздники подарки дорогие он ей делал. Он всегда к ней хорошо относился.

С мамой они этот аспект никогда не обсуждали – что Катя вроде бы на его стороне.

Прошло года два – и мать ее огорошила: замуж выходит за американца и улетает в Бостон. Познакомилась с ним не то по работе, не то через дальнюю подругу – в общем, все решили быстро.

«Что тянуть, – сказала тогда мама, – меня тут ничто не держит. Ты сама проживешь, взрослая уже, отец поможет, если что. А у меня, может, больше шансов не будет...»

Как сказала – так и сделала. С отцом даже не повидалась на прощанье – видно, здорово на него обиделась. Прилетела из своего Бостона только один раз – на Катину свадьбу. Это уж через три года было. Маргарита за это время еще одного сына отцу родила.

После свадьбы Катя совсем перестала с отцом видеться – как-то все закрутилось. Простить себе потом не могла, когда позвонила Маргарита и сказала, что отец умер. Утром поехал на работу – и прямо в кабинете, когда

совещание проводил, упал замертво. Врач из «Скорой» так и сказал – зря, говорит, нас вызывали, тут и реанимация бы не спасла.

Мама на похороны не прилетела – извини, сказала по телефону, никак не могу. Кате и поплакать было не с кем, потому что Маргарита сразу дала понять, что вместе они больше ничего делать не будут. Они и раньше не дружили, а теперь уж...

Катя тогда на четвертом месяце беременности была, чувствовала себя плохо. А через некоторое время закрутились дела с наследством. Катя и понятия не имела, что отец ей что-то оставил. Оказалось – по закону полагается ей доля в отцовской фирме. С недвижимостью Маргарита подстраховалась, все на нее оформлено было, а с фирмой у нее номер не прошел. К тому времени, как позвонил адвокат и говорил с ее мужем, Катя перед родами совсем ничего не соображала.

Беременность у нее была тяжелая, с осложнениями, врачи боялись, что ребенок не выживет. Положили ее в больницу за месяц до родов, там Катя такого нагляделась, что больше ни о чем думать не могла. Петя приходил, толковал что-то про наследство, она только отмахивалась. Еле он до нее достучался – это, говорит, важно очень. А для нее тогда только ребенок важен был.

Как раз тогда свекровь задумала канал телевизионный покупать, муж твердил, что очень выгодное предложение. Только денег у них не хватало, так что если Катину долю в фирме продать, то очень эти деньги бы помогли. Катя вдвойне обрадовалась – и что от нее все отстанут с наследством этим, и что семье своей новой она помочь может. Выписала мужу доверенность на ведение дел и стала родов ждать. Муж приходил, ругался, что Маргарита с адвокатами Катю просто обобрала, фирму нарочно оценили дешево, чтобы ее доля меньше была. Но, в общем, все обошлось. С Маргаритой Катя с тех пор так и не встречалась – ни с той, ни с другой стороны желания не возникало.

Так что нет у Кати сейчас никого, кто бы выслушал и утешил. Не к психоаналитику же ходить...

Катя поднялась с кровати и подошла к зеркалу. Вид ужасный – волосы всклокочены, глаза припухли. Надо привести себя в порядок и погулять с Павликом, как раз у него занятия кончатся, можно выцарапать его из когтей

Эльвиры. Опять будут слезы и жалобы. Вот бы ее уволить... Но никак нельзя, свекровь не позволит.

Ничего, они улетят на море, и там хоть Эльвиры не будет. Катя повертела в руках билеты. Ого, оказывается, отель забронировали на две недели. Ну конечно, это Пете свекровь позволила отлучиться всего на неделю, да и ту отобрала, а Кате торопиться некуда. Ну и ладно, они прекрасно проведут время с Павликом.

– Господа, – Алексей Рокотов оглядел присутствующих и откашлялся, – предлагаю начать внеочередное собрание акционеров.

Акционеры сидели за длинным столом в комнате заседаний.

Это была одна из самых мрачных комнат в особняке, но в то же время красивая – сводчатые потолки, отделанные темными деревянными панелями стены, огромный камин.

Муратов посмотрел на часы и проговорил:

– Давайте, давайте... у всех есть дела, мне бы хотелось закончить не позднее шести.

– Я вас понимаю, Юрий Борисович. – Рокотов повернулся к старику со снисходительным почтением. – Но Елизавета Петровна настояла на этом собрании. У нее есть какое-то важное сообщение, так что давайте отнесемся со всей серьезностью...

– Давайте, давайте! – Муратов взглянул на Рокотова неодобрительно. – Только не будем тратить время на пустые разговоры.

– Это не пустые разговоры, – сухо возразил Рокотов. – Это процедурные вопросы, которые делают наше собрание законным. Итак, объявляю собрание акционерного общества «Канал плюс» открытым. Кворум у нас имеется, так что собрание правомочно. Поскольку мне доверено вести сегодняшнее собрание, я предоставляю слово Елизавете Петровне Коваленко...

Елизавета Петровна обвела присутствующих насмешливым взглядом, откашлялась и проговорила:

– У меня одно очень простое предложение. Я предлагаю в этом году не выплачивать дивиденды по итогам финансового года.

– Что? – Фира Раевская уставилась на Елизавету своими выпученными, как у лягушки, глазами. – С какой стати? Рокотов докладывал, что финансовые результаты неплохие, можно даже считать, очень хорошие! С какой стати не выплачивать?

– Я очень рассчитывал на эти деньги! – выкрикнул, привстав, Бубенцов. – У вас-то денег куры не клюют, а мне приходится кормить семью!

– Александр Александрович, – неодобрительно проговорил Рокотов, – давайте не будем выходить за рамки...

– И не будем считать деньги в чужих карманах! – добавила Елизавета Петровна.

– Я не считаю ваши деньги! – не унимался Бубенцов, лицо его покрылось красными пятнами, – но я хочу понять, с какой стати вы не хотите выплачивать дивиденды... даже в позапрошлом году, когда результаты были гораздо хуже, дивиденды выплачивали! Так с какой стати в этом году...

– С такой, что у совета директоров есть обширные планы на будущий год, – Елизавета вскользь посмотрела на Муратова, как бы заручаясь его поддержкой. – Мы хотим обновить лицо канала, пригласить из Москвы известную ведущую. Кроме того, мы запланировали съемки собственного сериала...

– Все это замечательно, – перебил ее Бубенцов, – но разве нельзя сделать это не в ущерб интересам акционеров?

– Интересы акционеров должны совпадать с интересами компании! – насмешливо возразила Елизавета. – Разве вы не хотите, чтобы наш канал успешно развивался?

– Я, конечно, хочу...

- Ну, тогда давайте затянем пояса!

- Вам-то ничего не придется затягивать! Мы с вами находимся в разном положении!

- В общем, Александр Александрович, если вам нужны деньги – я вам уже предлагала и предлагаю еще раз: продайте ваш пакет акций.

- Не дождетесь! – выкрикнул Бубенцов. – Особенно за те деньги, которые вы мне предложили! Я работал на этом канале с самого его основания, и я имею право...

- А тогда давайте голосовать. – Елизавета оглядела присутствующих высокомерным взглядом вдовствующей императрицы. – Алексей Григорьевич, не будем терять время!

- Хорошо! – Рокотов приосанился и проговорил хорошо поставленным голосом: – Приступаем к голосованию. На голосование поставлено предложение Елизаветы Петровны не выплачивать в этом финансовом году дивиденды.

Он придвинул к себе протокол и произнес:

- Голосует Елизавета Петровна Коваленко, тридцать процентов акций...

- За, естественно! – Елизавета была совершенно спокойна.

- Петр Федорович Коваленко, десять процентов акций!

Петр, который до этой минуты сидел молча, что-то читая в своем айфоне и не обращая внимания на остальных участников собрания, покосился на мать и торопливо проговорил:

- Раз мама так считает – я, конечно, за.

- Значит, за... – Рокотов сделал пометку в протоколе собрания и продолжил: – Эсфирь Ильинична Раевская, пять процентов акций!

– Естественно, я против! – возмущенно проговорила Фира. – Это ни в какие ворота не лезет!

Как и Бубенцов, она работала на канале с самого его основания и получила свои акции во время приватизации.

– Александр Александрович Бубенцов, семь процентов акций.

– Разумеется, я против! – выкрикнул Бубенцов. – Это произвол! Как можно так относиться к акционерам?

– Александр Александрович, давайте оставаться в рамках! – строго проговорил Рокотов. – Вы проголосовали, будем и дальше придерживаться повестки. Продолжим процедуру голосования. Юрий Борисович Муратов, двадцать процентов акций!

Муратов снова взглянул на часы, потом на Елизавету, пожевал губами и неуверенно проговорил:

– Собственно, для меня это неожиданность, но раз Елизавета Петровна считает, что таким образом мы повысим рейтинг канала... ну, я тоже за.

После его высказывания в комнате на какое-то время установилась тишина. Результат голосования был совершенно ясен: в сумме с голосами матери и сына Коваленко в поддержку непопулярного предложения набралось уже шестьдесят процентов акций.

Рокотов, однако, продолжил:

– Теперь голосую я сам, как представитель миноритарных акционеров, по уставу не присутствующих на собрании. Я представляю акционеров, в совокупности владеющих двадцатью восемью процентами акций. В интересах своих доверителей я голосую против предложения Елизаветы Петровны.

Елизавета взглянула на него насмешливо: она ничуть не сомневалась, что Алексей проголосовал против ее предложения только потому, что его голос уже ничего не менял. Если бы от него хоть что-то зависело – он непременно бы

предварительно поговорил с ней и выторговал для себя какие-нибудь бонусы.

Впрочем, она и сама сделала сегодня такое непопулярное предложение с единственной целью: заставить мелких акционеров продать свои акции. Но пока она не достигла этой цели.

– Итак, объявляю результаты голосования! – торжественно произнес Рокотов. – За предложение Елизаветы Петровны подано шестьдесят процентов голосов, против – сорок. Таким образом, это предложение считается принятым.

– Ну вот и хорошо, – смущенно проговорил Муратов. – Что у нас там еще в повестке?

– На этом повестка дня исчерпана.

– Хорошо! – Муратов взглянул на часы, поднялся, медленно, по-стариковски, и переглянулся с Елизаветой Петровной. За долгие годы у них установился негласный ритуал: после каждого совещания, после собрания акционеров, после деловой встречи он ненадолго заходил в кабинет Елизаветы, она угощала его кофе, или коньяком, или тем и другим, и они разговаривали. Говорил в основном Муратов, Елизавета больше помалкивала и поддакивала. Старик вспоминал старые времена, когда они вместе работали на государственном телеканале, вспоминал, как они создавали этот частный канал, говорил о том, как, по его мнению, нужно менять политику канала, какими он видит новостные программы, какими – развлекательные.

– Мы не должны потакать изменчивым чувствам зрителей! – вещал он. – Наоборот, мы должны развивать их, просвещать!

Елизавета никогда с ним не спорила, она поддакивала, говорила, что непременно учтет его предложения, но потом спускала их на тормозах. Старик все больше раздражал ее, он никак не хотел видеть происходящие перемены, не хотел их замечать. Не понимал, что, пытаясь развивать и просвещать зрителей, канал неминуемо проиграет в конкурентной борьбе и они разорятся. Тем не менее Елизавета терпела его благожелательную болтовню. Она помнила, как он помог ей на первых порах, но не благодарность играла главную роль в ее терпимом отношении к Муратову. Она гораздо больше думала о принадлежащих ему двадцати процентах акций. Только с его двадцатью процентами они с сыном

сохраняли контроль над каналом. Пока Муратов безоговорочно верил ей – он голосовал за все ее предложения, и она могла управлять каналом твердой рукой.

Вот и сейчас, войдя в ее кабинет, Юрий Борисович завел старый разговор о возобновлении дискуссионного клуба, который когда-то был на канале.

– Ведь ты помнишь, Лиза, у этого клуба были прекрасные рейтинги!

– Юрий Борисович, сейчас другие времена! – притворно вздохнула Елизавета. – Сейчас зрителям нужны самые примитивные ток-шоу... хотите кофе? Или, может быть, коньяку? У меня есть отличный коньяк...

– Не стоило бы мне пить, – смущенно проговорил Муратов. – Ты же знаешь, у меня давление. Но не могу отказаться...

Елизавета открыла бар, достала два коньячных бокала, бутылку с подписанной от руки этикеткой, плеснула ему на два пальца, себе – поменьше, подняла бокалы:

– За ваше здоровье, Юрий Борисович! Вы всегда были для меня Мастером, Мэтром!

Муратов смущенно хмыкнул. Видно было, что ему приятны ее слова.

Елизавета подумала, насколько примитивны мужчины, даже самые умные из них: чем грубее лезть, тем сильнее она на них действует.

В дверь кабинета постучали, вошел Рокотов – красивый, представительный, уверенный в себе.

– Елизавета Петровна, не помешаю? Здесь нужна ваша подпись. – Он положил перед ней протокол собрания.

Она подписала – размашисто, уверенно. Рокотов не уходил, явно еще что-то хотел сказать. Елизавета подняла на него глаза:

- Еще что-то?

- Да, Елизавета Петровна. Я просил у вас отпуск – две недели. Вы обещали мне после этого собрания.

- А, ну да... – Она пожевала губами, не стараясь скрыть недовольство: пусть помнит свое место. – Ладно, Алексей Григорьевич, можете отдохнуть. Собрание вы провели хорошо, неделю мы без вас как-нибудь переживем.

- Неделю? – Он поднял брови.

- Неделю, – подтвердила она спокойно.

- Что ж, – сказал он, выходя, – спасибо...

Проводив его взглядом, Муратов проговорил:

- Как он? Ты им довольна?

- Да, пожалуй... – ответила она после короткого раздумья. – Толковый, энергичный...

- Будь с ним осторожна, – предупредил старик. – Такие, как он, очень опасны. Он смотрит тебе в рот, но стоит зазеваться, проглотит и не поперхнется.

- Я держу его на коротком поводке, – ответила Елизавета, усмехнувшись. – Только такие и нужны в наше суровое время.

Надо же, подумала она, а старик по-прежнему разбирается в людях!

Двери отворились, и в комнату вплыла дородная женщина в голубом необъятном платье, в пудренном парике – государыня Елизавета Петровна. Мамки и няньки низко склонились перед ней, Фике присела в книксене, робко взглянула на императрицу.

Та подошла к колыбельке, заглянула. На лице ее ласковая усмешка сменилась недоумением:

- Маленький какой! Хорошо ли его кормят?

- Как положено, государыня! - пробасила нянька Дубасова. - Кушать изволит отменно!

- Ну и хорошо! - Елизавета Петровна сделала ребенку козу. Он заплакал.

- Боязливый какой! - Государыня повернулась к Дубасовой: - Возьми его, Мавра, отнеси в мои покои. Там теперь жить будет.

Фике в первую секунду растерялась, но, увидев, что нянька вынимает дитя из колыбели, осмелела, кинулась к императрице:

- Государыня, за что? Не отнимайте у меня дитя!

- Вот еще! - Елизавета смерила Фике неприязненным взглядом, как таракана, неожиданно выползшего из-за печи на середину залы. - Много воли взяла! Я тебя не для того из твоего захолустного немецкого княжества выписала, чтобы ты здесь своевольничала! Родила сына - молодец, будет у Петеньки наследник, а больше тебя никто не спрашивает! Воспитывать я его сама буду! Я лучше тебя знаю, чему нужно учить будущего самодержца!

Фике задохнулась от возмущения.

Она, немецкая принцесса Ангальт-Цербстская, была прекрасно образованна, читала Вольтера, Монтескье и Тацита в оригинале, училась у лучших ученых, и эта русская барыня, которая требует, чтобы придворные дамы перед сном чесали ей пятки, будет воспитывать ее сына!

- Государыня, но позвольте... - начала она.

- Не позволю! - Елизавета грозно нахмурилась. - Знай свое место! - Она развернулась и удалилась, пыхтя, как самовар. И Мавра Дубасова засеменила за ней с младенцем на руках. А следом потянулись прочие няньки и мамки...

Фике осталась одна. Она закусила губу от злости.

Да что она себе позволяет, эта раскормленная барыня!

Но тут же она поправила себя: Елизавета Петровна – государыня императрица, она может себе позволить все, что угодно. Так что до поры придется молча сносить все унижения...

Хоть бы муж понимал и жалел ее!

Фике устремилась в покои своего супруга – может быть, он сумеет уговорить государыню...

Быстрым шагом она пересекла дворцовую анфиладу, вошла в покои наследника. Навстречу ей метнулся какой-то придворный с вытянутым, растерянным лицом:

– Сюда нельзя!

– Это ты кому говоришь, холоп? – одернула его Фике. – Или ты меня не узнал?

– Узнал, ваше высочество! – Придворный попятился, всплеснул руками. – Да как раз вам-то и нельзя!

– Что ты несешь? – Фике нахмурилась, как давеча Елизавета Петровна. – Пошел вон!

Он отступил, она распахнула двери, с размаху прошла до середины комнаты и только тогда увидела мужа.

Его императорское высочество Петр Федорович полулежал лицом вниз на золоченой банкетке. Пудренный парик валялся на полу рядом, штаны его императорского высочества были приспущены, Петр Федорович пыхтел. Под ним виднелся подол розового платья, пышная пена кружевных юбок, доносилось какое-то тоненькое поскуливание.

– Что это?! – вскрикнула Фике, попятившись.

Петр Федорович обернулся. Лицо его было красно и недовольно. Увидев жену, он неловко поднялся, натянул штаны и повернулся к ней всем корпусом.

- Ты что здесь? - вскрикнул раздраженно. - Ты зачем? Кто позволил?

Тут же позади него возникла раскрасневшаяся девица в мятом платье, в сбитом на сторону пудреном паричке. Фике узнала фрейлину Салтыкову.

- Что здесь происходит?! - воскликнула Фике гневно, пытаясь подражать интонации Елизаветы Петровны. Впрочем, вышло нехорошо - слишком она была растеряна, слишком неожиданной и скверной оказалась эта картина.

- Что надо, то и происходит! - бросил ей в лицо муж. - Нечего заявляться без приглашения!

Катя поднялась по сходням на борт белоснежного катамарана, сжимая теплую руку Павлика. У мальчика глаза блестели от восторга, ему все нравилось - сверкающие поручни, медный колокол, белая фуражка капитана.

На судно вместе с ними поднялись еще человек двадцать, кое-кого из них она видела за завтраком в отеле. Высокий красивый мужчина лет сорока с загорелым лицом и открытой мальчишеской улыбкой показался ей смутно знакомым.

На большом катамаране все разбрелись по разным концам палубы. Кто загорал, кто любовался берегами. Они с Павликом устроились на носу, Катя легла в шезлонг, Павлик играл у ее ног с разноцветными ракушками, которые собрал на пляже.

Ловкие загорелые матросы отдали швартовы, судно плавно, словно нехотя, отошло от пирса, развернулось по широкой кривой и вышло в море. Изумрудная вода сверкала на солнце, слепила, завораживала. Остров медленно отступал, белые домики среди пальм уменьшались, растворялись в солнечном сиянии.

К ним бесшумно подошел официант с подносом. Катя взяла коктейль для себя и сок для Павлика, сделала глоток.

Терпкий горьковатый напиток, и свежий морской воздух с привкусом соли, и изумрудное сияние моря сделали свое дело. Катя зажмурилась от света, на губах ее заиграла умиротворенная улыбка.

Уже третий день они живут в красивом комфортабельном отеле, там есть свой пляж, два бассейна, спа, детские аттракционы и еще множество разных увеселений. Погода прекрасная – не так жарко, как летом, но вода в море теплая. В этом раю невозможно думать о неприятном. И Катя успокоилась.

Она больше не вспоминала ту отвратительную сцену с билетами, высокомерный и покровительственный тон свекрови, равнодушное лицо мужа. Они так и не разговаривали до самого отлета, только в аэропорту он потянулся поцеловать, и Катя не отстранилась. Пусть хоть со стороны они выглядят благополучной семьей. Он крикнул вслед: «Счастливо вам», – и она решила, что так и будет.

Ей сейчас хорошо, она с Павликом, а все остальное можно забыть, забыть хотя бы на время.

– Мама, мамочка, смотри! – Павлик вскочил, схватил ее за руку, чтобы привлечь внимание.

Катя проследила за его взглядом и увидела в море, совсем близко от судна, стаю дельфинов. Лоснящиеся серебристые тела стремительно вылетали из воды, сверкнув на солнце, снова уходили в волны, сбивая с них пенные гребешки, мчались наперегонки друг с другом, наперегонки с катамараном.

– Кто это, мамочка?! – вскрикивал Павлик, прыгая возле нее, как резиновый мячик. – Это рыбки?

– Это не рыбки, это дельфины! – проговорила она, прикрывая глаза ладонью от слепящего солнца.

– Фельплюны? – переспросил Павлик.

– Дельфины, – повторила она, улыбаясь. – Осторожно, милый, не подходи к краю...

Один дельфин подплыл совсем близко к судну, выпрыгнул из воды. Катя увидела шелковистый блестящий бок, темный выпуклый глаз. Казалось, дельфин улыбается им с Павликом. В следующий миг солнечный луч, отразившись от поверхности воды, на секунду ослепил ее, она закрыла глаза, а потом...

Потом случилось что-то непонятное, непонятное и невозможное.

Откуда-то сверху донесся женский крик, к нему присоединились другие испуганные, взволнованные голоса. Катя открыла глаза, чтобы понять, что произошло, и сразу же протянула руку, чтобы на всякий случай схватить Павлика, но не нашла его руки и растерянно закрутила головой.

Павлика рядом с ней не было, а крики за ее спиной множились, у нее перехватило дыхание от нарастающего, пока еще непонятного смутного ужаса.

И тогда она увидела Павлика.

Впереди судна, между носами двух корпусов катамарана, была натянута крупная веревочная сетка, и в этой сети, как беспомощный цыпленок в авоське, застыл Павлик с круглыми и темными от страха глазами.

Он встретился с ней глазами, и его страх перелился в нее, умножился, вырос, как снежный ком.

Катя бросилась к никелированным поручням, ограждающим борт, попыталась перелезть через них, но руки и ноги стали ватными от страха и не слушались ее.

Откуда-то сбоку бежал матрос в белой форменной куртке, но он был еще далеко, а Павлик вдруг начал проваливаться в расползающиеся ячейки. Рот его приоткрылся, он что-то испуганно крикнул, но она ничего не слышала. Время одновременно остановилось и несло с немыслимой, невероятной скоростью.

И в это мгновение рядом с ней через поручни стремительно перелетела мускулистая загорелая фигура. Катя ожила, ее отпустил короткий паралич ужаса, она тоже полезла через перила, но ее уже оттаскивали назад, а двое матросов тянулись через борт. Они приняли Павлика, потом помогли выбраться на палубу тому, кто его спас, – только теперь Катя узнала его, это был тот

смутно знакомый красивый мужчина из отеля.

Катя обхватила Павлика, прижала его к себе, ее трясло от пережитого страха. Она плакала, ругала его и гладила по волосам.

- Мама, мамочка... - испуганно лепетал Павлик, - не сердись, я только хотел погладить фельпюничка...

Вокруг толпились пассажиры, ахали, сочувствовали, задавали глупые, бессмысленные вопросы. К ним подошел капитан, растерянно качая головой, что-то говорил - она не могла понять ни слова, словно внезапно забыла английский. Тут же появился один из матросов, поднес к ее губам холодный стакан с чем-то резко и неприятно пахнущим, она сделала несколько глотков и почувствовала, как ледяной ужас постепенно отпускает ее.

Теперь она понимала, что говорит капитан. Он приносил ей извинения, от своего лица и от лица круизной компании, говорил, что защитная сетка очень надежна, но ячейки, как выяснилось, рассчитаны на взрослого человека, но не на ребенка. Еще он говорил, что в качестве компенсации за перенесенный стресс она может совершить еще одну морскую прогулку совершенно бесплатно.

- Нет-нет, только не это... - Она замотала головой и увидела того мужчину, который спас Павлика.

Не выпуская руку ребенка, она протиснулась к нему, улыбнулась жалкой, беспомощной улыбкой и проговорила по-английски еще плохо слушающимися губами:

- Спасибо... то есть сказать спасибо - ничего не сказать... я вам так благодарна... если бы с Павликом что-то случилось, не знаю, как бы я жила...

- На моем месте так поступил бы каждый! - ответил он, чуть заметно усмехнувшись над такой дежурной фразой, и вдруг перешел на русский: - Вы ведь из России, правда?

- Да. - Она удивленно взглянула на мужчину. - Из России... Как вы догадались?

– По вашему произношению и по имени ребенка.

– Ах, ну да, я говорю глупости... это удивительно...

– Что – встретить здесь соотечественника? На Канарах сейчас полно русских...

– Нет, я не о том... – Она смутилась. – Именно вы оказались рядом в критический момент, именно вы спасли моего ребенка...

– Так уж сложилось. – Он опять усмехнулся. – Могу я предложить вам что-нибудь выпить? Вам это сейчас не повредит...

Она кивнула и выпила еще один коктейль.

Они познакомились.

Его звали Алексеем, и прилетел он, как и она, из Петербурга.

Катя подумала, что заметила его в самолете – наверное, поэтому его лицо показалось ей знакомым.

Потом катамаран пристал к небольшому островку, и они плавали в теплой изумрудной воде (теперь она ни на секунду не выпускала Павлика из поля зрения), затем обедали на палубе – паэлья, жаренная на гриле свежая рыба, золотое вино.

День пролетел незаметно.

Катамаран пристал к пирсу, там их ждал гостиничный автобус.

Всех развезли по отелям, оказалось, что Алексей живет в том же отеле, что и Катя с Павликом, и за ужином они снова встретились. Алексей сел за их стол.

Павлик после морской прогулки клевал носом.

Алексей предложил Кате после ужина пойти на шоу, она смущенно взглянула на сына, и тогда он сказал, что в отеле можно попросить горничную приглядеть за спящим ребенком.

Катя легко согласилась: она не могла отказать Алексею после того, что он сделал для нее, да ей и самой не хотелось спать, она была взбудоражена и жаждала чего-то еще, каких-то впечатлений.

Уложив Павлика, она рассказала ему сказку (так у них было заведено), но он не дослушал ее, заснул на середине.

Катя договорилась с горничной, переделалась в открытое вечернее платье – то самое, новое, что купила перед отпуском.

«А ведь не хотела брать, – усмехнулась она, – думала, зачем, все равно никуда не пойду вечером. А вот и пригодилось...»

Павлик крепко спал, разметавшись во сне. Катя поцеловала его и вышла из номера.

Южная ночь приторно пахла цветами апельсиновых деревьев и еще чем-то сладковатым, где-то совсем близко ровно и мощно шумело море, соперничая с ним, в темных кустах громко и страстно трещали цикады, в небе висела огромная смуглая луна. Алексей ждал ее в нескольких шагах от входа. На нем был элегантный белый пиджак, загорелое лицо казалось удивительно красивым, на губах играла все та же открытая мальчишеская улыбка.

Катя почувствовала давно забытое волнение.

Они прошли по темному благоухающему саду к сияющему зданию концертного зала, заняли места.

Шоу было так себе – отельные аниматоры пели под фонограмму песенки Элвиса и Фрэнка Синатры, худенькая угловатая девушка безуспешно пыталась подражать Патрисии Каас. Потом двое темнокожих парней исполнили чечетку.

Катя и Алексей переглянулись и вышли на улицу.

За то время, что они были в зале, смуглая луна успела уйти со сцены, но зато все небо было усыпано мириадами звезд. Рисунок созвездий был незнакомый.

– Что это за яркая звезда возле самого горизонта? – спросила Катя, невольно понизив голос.

– Венера, – уверенно ответил ей Алексей.

– Не может быть, – возразила Катя, – Венера...

Она хотела сказать, что Венера появляется на небе под утро, но Алексей помешал ей: он прильнул к ее губам жарким, долгим поцелуем. В первое мгновение Катя подумала, что это нехорошо, неправильно и как-то пошло – вульгарный курортный роман, но потом она уже ни о чем не думала...

Они целовались под ярким и высоким звездным небом, и на пороге его номера, и в полутемной, испещренной пятнами лунного света комнате. Они брели в спальню, как измученные жаждой путники бредут к колодцу, брели, теряя по дороге одежду, роняя ее, как апельсиновые деревья роняют лепестки цветов.

Алексей обнимал ее нежно и уверенно. Катя взмыла на невероятную высоту и парила, как парит в поднебесье ястреб, поднятый восходящим потоком воздуха, и потом рухнула с этой высоты в темную благоухающую бездну, и снова взлетела, и снова сорвалась вниз – на этот раз медленнее...

Затем они лежали рядом, за окном шумело море и громко пели цикады, и тело Кати было наполнено шумом прибоя и пением цикад. На полу комнаты играли и переливались серебряные блики лунного света. Странно, подумала Катя, ведь луна, кажется, зашла еще до того... до того, как они...

Впрочем, это не имело никакого значения.

Значение имела только рука Алексея, легко и свободно лежавшая на ее груди. В смуглом лунном свете она казалась бронзовой, как рука античной статуи.

А потом она вспомнила про Павлика, вскочила, поспешно оделась.

– Куда ты... – сонно проговорил Алексей.

– К ребенку. – Она наклонилась над ним, быстро и нежно поцеловала, почувствовав на губах солоноватый привкус его дыхания.

Горничная сидела возле кровати Павлика, в ушах у нее были наушники плеера, она раскачивалась в такт своей неслышной музыки. Катя протянула ей деньги, поблагодарила.

Девушка вынула наушники, взглянула, едва заметно улыбнулась – и Катя почувствовала вдруг неловкость, как будто та поняла, где она сейчас была и чем занималась.

Девушка выскользнула из номера.

Катя склонилась над кроваткой.

Павлик спал, как он спал в младенчестве – повернувшись на правый бок, засунув в рот большой палец, едва слышно посапывая. Катя осторожно высвободила его руку, поправила одеяло. Ребенок что-то забормотал во сне.

И вдруг она почувствовала щемящую жалость – как будто поняла, что Павлик чем-то обделен...

Что за ерунда! У него все есть, он окружен любовью...

Она легла, но долго не могла заснуть.

Что она наделала! Изменила мужу, вот и все, послышался внутри чужой ехидный голос, ничего страшного, дело житейское, не ты первая, не ты последняя.

Но это неправильно, она никогда раньше так не делала, как-то это... грязно, что ли...

«Сам виноват, – с неожиданной злобой подумала она о муже, – не надо было отпускать меня одну. Дела у него, видишь ли, важные. Это все свекровь, зараза...»

А потом оказалось, что уже позднее утро, и за окном щебечут птицы, и ослепительно сияет солнце, и Павлик сидит на полу возле ее кровати и смотрит на нее с нетерпением.

- Мама, мамочка, ну что ты все спишь и спишь? Я уже давно не сплю... не сплю!

Она приняла душ, и они пошли на завтрак.

В ресторане она встретила Алексея, но сделала вид, словно между ними ничего не было. Просто кивнула, как обычному знакомому, как одному из соседей по отелю. И он поддержал ее игру, только спросил, как себя чувствует Павлик.

- Прекрасно! - Катя благодарно улыбнулась. - Кажется, он уже все забыл!

А глазами сказала ему, что она тоже все забыла. Но Алексей ей не поверил. Она сама себе не верила.

На пляже она устроилась рядом с симпатичной английской парой, у которой был сын такого же возраста, как Павлик. Она поглядывала на них с легкой завистью. Мальчишка висел на отце, и видно было, что обоим доставляет это огромное удовольствие. Они кувыркались в воде и стояли на голове на суше. Папа подбрасывал свое чадо высоко в небо, ребенок визжал от радости. Его мать только счастливо улыбалась, глядя на них. Катя же грустно думала, что ее муж никогда не ведет себя так с Павликом. Все-то ему некогда, вечно он занят. Или говорит так. Либо его дома нет, либо торчит у матери в кабинете. Вот что они там делают, на работе, что ли, не наговорились?

Заметив, что Павлик приуныл, сосед стал возиться с обоими мальчишками. И его сын нисколько этому не противился, не отпихивал Павлика, не предъявлял на папу исключительные права. Хорошая семья, приятные люди...

Алексей загорал где-то в другом месте, они не столкнулись даже во время обеда. Зато к ужину он появился. Такой же красивый, еще более загорелый, посвежевший, словно напивавшийся солнцем и морем. Сердясь на себя, Катя поглядывала на него через зал. Он ужинал один, никто к нему не подсел.

Когда они с сыном гуляли после ужина в саду, он подошел неслышно и сказал ей на ухо:

– Я буду ждать.

– Я не приду! – резко, испуганно обернулась Катя. – Я не могу! Я действительно не могу!

– Я буду ждать, – твердо повторил он, – сколько хочешь, хоть до утра.

Катя пришла в свой номер с благим намерением уложить Павлика и лечь спать. Павлик капризничал, видно, ему передалось ее нервное состояние. А Катю просто колотило.

Павлик недопустимо медленно мылся и раздевался, потом ни в какую не хотел ложиться, требовал то пить, то играть, то читать книжку, рассказывать сказку, гладить спинку, дуть в ушко и ласково бормотать в плечико. В конце концов она накричала на сына и едва не отшлепала. Павлик заснул в слезах, а Катя начала бешено собираться. Зачем-то переделась в халат, благо хватило ума макияж не смывать!

Горничная была сегодня другая, постарше, этой вообще ни до чего не было дела, лишь бы деньги платили.

Алексей открыл дверь сразу же, она даже не успела постучать. Он подхватил ее на руки прямо в коридоре и внес в номер. Больше Катя ничего не могла потом вспомнить. Это было как взрыв, наводнение, тайфун, торнадо, извержение вулкана. Потому что после наступил удивительный покой.

Она не чувствовала своего тела, оно как будто разложилось на молекулы и стало невесомым. Кажется, они о чем-то говорили, она спросила, кто он, кем работает, женат ли. Не то чтобы ее это сильно интересовало, просто нужно было о чем-то говорить. Алексей ответил, что он – начальник юридического отдела в крупной фирме, что был женат, но давно в разводе, детей нет. Ей он никаких вопросов не задавал, что замужем – и так было ясно. Они условились не показывать днем свои отношения и как можно меньше общаться. Вовсе ни к чему, чтобы Павлик потом рассказывал дома про дядю Лешу.

Теперь дни проходили для Кати как во сне, она ждала ночи. Машинально она играла с Павликом, общалась с симпатичным английским семейством, купалась, загорала.

Все было только прелюдией к ночным свиданиям с Алексеем. Там она ощущала себя живой, там она испытывала сильные, подлинные, яркие чувства, то возносилась к звездным небесам, то летела в бездну...

Все кончилось очень быстро. Однажды Алексей, провожая ее, сказал, что рано утром он улетает.

- Каникулы кончились, милая, - улыбнулся он, - работа зовет... ничего не поделаешь...

«Как - уже?» - мысленно простонала Катя, хватило сил не произнести это вслух.

- Что ж, все было прекрасно, но мимолетно... - улыбнулась она в ответ, - счастливого пути!

Только утром до нее дошло, что она даже не знает ни его фамилии, ни адреса, ни номера телефона.

Это и к лучшему, в Петербурге встречаться они не будут, твердо и бесповоротно решила она.

Прошло два дня. Катя провела их как в полусне. И следующий день прошел как все другие дни - солнце, море, Павлик.

Незадолго до ужина они с Павликом вышли в город, зашли в магазин игрушек. Павлик захотел игрушечную лошадку - чудесную маленькую лошадку с седлом и настоящими стременами. Катя купила лошадку, и он прижал ее к груди с таким счастливым вздохом, что она даже позавидовала ему.

Потом они подошли к своему отелю.

Перед входом стояло такси, возле него мрачный смуглый водитель разбирался с пассажиркой, неопрятной старухой в жуткой широкополой шляпе и бесформенных штанах. Вид у старухи был какой-то запущенный, как у бедной питерской пенсионерки, но Катя подумала, что бедные пенсионерки не летают на Канары и не останавливаются в пятизвездочных отелях.

Налицо был языковой барьер: старуха переходила с французского языка на немецкий, водитель – с испанского на плохой английский, и они никак не могли договориться.

– Мне нужны мои двадцать евро! – повторял водитель, наверное, десятый раз.

– Да чтоб тебя... – выпалила старуха по-русски, – дубина стоеросовая! Чурбан безразмерный!

– Вам помочь? – спросила ее Катя. – У вас какие-то проблемы?

– Да какие проблемы! – отмахнулась старуха. – Этот чурбан стоеросовый не говорит ни на одном нормальном языке! – Тут она оживилась, повернулась к Кате: – Вы из России, деточка? Объясните этому туземцу, что я сейчас вернусь и принесу ему деньги! Понимаете, деточка, у меня куда-то пропал кошелек. Может быть, вытащили на базаре. А он не отпускает меня...

– Леди, мне нужны мои двадцать евро! – снова повторил водитель.

– Я ему заплачу. – Катя вытащила кошелек, протянула водителю деньги, тот разом успокоился, засиял и уехал.

– Деточка, большое спасибо! – Старуха схватила Катю за руки, потрясла их, отпустила и исчезла в дверях отеля.

– Мама, это была Баба-яга? – спросил Павлик, проводив старуху испуганным взглядом.

– Нет, милый, это была просто пожилая женщина... чья-то бабушка...

– Бабушка? – переспросил Павлик недоверчиво.

Для него «бабушка» была строгой деловой женщиной, моложавой и подтянутой. Впрочем, видел он ее не очень часто.

Катя с Павликом вернулись в свой номер, она переоделась, принарядила Павлика, и они отправились ужинать.

В дверях ресторана они столкнулись с высокой чопорной старухой. Старуха была словно из старого фильма про высшее общество – вечернее платье из тускло-лилового шелка с серебряным шитьем, бриллианты в ушах и на пальцах, жемчужное ожерелье. Старуха налетела на нее, попятилась и недовольно проворчала:

– Дубина стоеросовая!

Только тогда до Кати дошло, что это – та самая бедная старуха, которая ругалась с водителем такси. Правда, узнать ее было очень трудно, и теперь никому не пришло бы в голову назвать ее бедной.

Катя подумала, что характер у старухи отвратительный: она уже забыла, что Катя ее только что выручила, и вместо благодарности обозвала стоеросовой дубиной...

Это было обидно, но не напоминать же ей об инциденте перед входом! Еще подумает, что Катя волнуется из-за своих двадцати евро.

Катя пошла к своему столику и тут снова столкнулась с той же старухой: они подошли с двух сторон к одному и тому же столу.

– Это мой стол! – прокаркала старуха по-немецки и снова добавила по-русски: – Вот дубина!

– Да подавитесь вы этим столом! – раздраженно ответила Катя и потянула Павлика за руку в другую сторону.

При звуках русской речи старуха изумленно замерла, затем достала из своей сумочки самый настоящий лорнет, уставилась на Катю и смущенно проговорила:

– Ах, это вы, деточка?! Простите глупую старуху! Я плохо вижу и не узнала вас! Ради бога, простите!

– Ничего страшного, – ответила Катя, еще чувствуя обиду и сердясь в душе на вздорную старуху.

– Садитесь, деточка! – Старуха указала на свой – то есть Катин – стол. – Вы позволите мне к вам присоединиться? Хочу послушать русскую речь, я ее так давно не слышала!

Кате вовсе не улыбалось делить стол с этой сумасшедшей старухой, но она почувствовала неловкость и жалость к ней и села, усадив рядом Павлика. Павлик смотрел на соседку во все глаза.

– Вы говорите, что давно не слышали русскую речь? – проговорила Катя, чтобы поддержать разговор. – Значит, вы не из России?

Теперь она заметила, что в речи старухи присутствует не то чтобы иностранный акцент, но какая-то незнакомая интонация.

– Нет, деточка! – Старуха вздохнула, оглядела зал через свой лорнет и спрятала его в сумочку. – То есть, конечно, из России, но совсем не такой, какой она стала сейчас... то была Россия Бунина и Чехова, Россия Блока и Гумилева, Репина и Бакста...

Катя взглянула на свою соседку и посчитала про себя. Какой бы старой ни была эта странная особа, но в любом случае ей не сто лет, так что вряд ли она могла помнить дореволюционную Россию, вряд ли могла приехать из нее, даже в младенческом возрасте!

Старуха словно прочитала ее мысли.

– Конечно, вы понимаете, что я не могла родиться в той России, – продолжила она. – Вернее, я родилась в России, но уже после революции, в двадцать четвертом году. Мой отец был крупный инженер, большевики его не тронули, наоборот, они отправили его в Англию в составе торговой миссии. Он выехал в Лондон вместе с семьей и уже не вернулся. Потом мы переехали во Францию, и

там я прожила всю свою жизнь... очень долгую жизнь!

Она немного помолчала и продолжила:

– Но с самого детства я росла на воспоминаниях о России. Родители рассказывали мне о Петербурге, показывали его фотографии, гравюры Бенуа и Остроумовой, читали стихи Блока и Бальмонта. Мой покойный муж тоже был русским, из очень хорошей семьи – его мать была урожденная княжна Оболенцева. Он был старше меня, и он-то помнил Петербург, так что мы очень часто говорили о родине...

– И вы ни разу с тех пор не были в России? – удивленно спросила Катя. – Ведь сейчас это так просто!

– Нет, деточка, это совсем не просто! – возразила старуха. – Я не хочу разочароваться! Я понимаю, что Россия изменилась, очень изменилась, неузнаваемо изменилась. И мне не хочется видеть эти изменения. Представьте, что вы помните какого-то человека молодым и красивым – разве захотите увидеть через пятьдесят лет, в какую отвратительную развалину он превратился? Я хочу думать, что Петербург по-прежнему такой же, каким помнили его мои родители, такой же, о каком они мне рассказывали... город-мечта, город-сказка, волшебным образом возникший из непролазных болот, как мираж возникает посреди пустыни... новая Венеция на фантастическом фоне белых ночей...

Старуха прикрыла глаза и продекламовала:

Невы державное течение,

Береговой ее гранит...

– Да, пожалуй, вы правы – сейчас вы не узнаете того Петербурга, не узнаете той России, – согласилась Катя. – Хотя на вашем месте я все же непременно побывала бы в России, если... если здоровье вам позволяет.

– Здоровье мне, деточка, пока все позволяет, – вздохнула старуха. – Даже выпивать понемножку и играть в азартные игры. Но в Россию я все-таки не поеду, не хочу расстраиваться. А вот с вами с удовольствием поболтаю... знаете,

как сплетничают о своих знакомых? Вот расскажите, деточка, что сейчас творится во дворце графов Бобринских?

К счастью, Катя не ударила в грязь лицом: она помнила особняк на Галерной улице, по соседству с Ново-Адмиралтейским каналом, и как-то даже побывала там, пока училась в университете.

– Лет десять назад этот дворец передали Петербургскому университету, – ответила она. – Сейчас там проходят занятия факультета свободных наук и искусств.

– Это хорошо, – покивала старуха. – У Бобринских была огромная библиотека... я вас не просто так спрашиваю, мой покойный муж был с ними в отдаленном родстве. А Бобринские – вы ведь, конечно, знаете, что это за семья?

На этот раз Катя вынуждена была ответить отрицательно.

– Первый граф Бобринский был побочным сыном Екатерины Великой и Григория Орлова! – в голосе старухи прозвучала несомненная гордость.

Вдруг она замолчала, взглянула на Павлика.

– Смотрите-ка, мы с вами заболтались, а ваш сын уже клюет носом. Простите старуху, вам нужно думать в первую очередь о нем.

Павлика утомили разговоры, а каркающий голос старухи навевал сон. Катя поскорее распрощалась со своей странной знакомой и потащила сына в номер. Он едва перебирал ногами.

Она думала, что будет плохо спать ночами, что тело ее, привыкшее к ночным свиданиям, не даст ей покоя. Но засыпала она быстро, спала крепко и без сновидений. Изредка она вспоминала Алексея, свои встречи с ним и с удивлением поняла, что вовсе не переживает из-за своей измены мужу. В конце концов, он сам виноват, если бы захотел, полетел бы с ними. Нельзя до такой степени зависеть от желаний своей мамы!

«Это ты сейчас так думаешь, – раздался у нее в голове прежний ехидный голос, – когда ты от свекрови далеко. Ишь, осмелела!»

Катя только вздохнула.

Оставшиеся дни пролетели быстро, как всегда в отпуске. Вроде бы только вчера они простились с Алексеем, а вот оказывается, что послезавтра уже уезжать. Русская старуха не отставала от Кати. Они вели долгие неспешные разговоры за ужином, точнее, говорила больше старуха, рассказывала Кате о своей богатой событиями жизни. Катя начала находить некоторое удовольствие в этих беседах. Сиди да слушай, изредка вставляй замечания вроде «Да неужели?» или «Что вы говорите?». Даже Павлик привык к старухиному каркающему голосу и больше не боялся.

В последний вечер та симпатичная английская пара с ребенком взяла Павлика на какое-то детское представление, у Кати же заболела голова от шума, и она сидела в саду. Старуха подошла незаметно, Катя едва успела отвернуться, чтобы та не заметила гримасы недовольства на ее лице. Ей никого не хотелось видеть. Однако пришлось отвечать на вопросы о себе. Старуха вцепилась в нее, как клещ, и вызнала все про мужа, про свекровь, про смерть отца и про маму в Штатах.

– Как, говорите, зовут вашу свекровь? Елизавета Петровна? А муж, стало быть, Петр. А сына вы Павлом назвали.

– Это не я, – призналась Катя, – это свекровь имя выбирала. Но мне нравится...

– Что ж, – старуха загадочно усмехнулась, – что ни делается, все к лучшему в этом лучшем из миров! Кто сказал?

– Не знаю... кажется, это где-то у Вольтера...

– А вы, Катрин, образованная женщина! – обрадовалась старуха. – Нечасто такое встретишь сейчас!

– Я окончила филфак университета, – сказала Катя.

– Она с Вольтером дружила! – заметила старуха многозначительно.

Катя снова отвернулась. Кто – она? Точно, старушенция заговаривается!

На следующее утро, когда Катя проходила мимо ресепшен, ее окликнул смуглый молодой человек:

– Мадам, для вас письмо!

– Письмо? – Она удивленно оглянулась.

Служащий протягивал ей довольно пухлый конверт из плотной бумаги. В первое мгновение она подумала, что письмо от Алексея, но он давно уже улетел домой и не стал бы писать ей старомодные бумажные письма. Потом она увидела в углу конверта маленькую коронку и сообразила, что письмо от той чокнутой старухи.

Почему-то она не спешила открывать его, только когда вернулась в номер, вскрыла конверт. Оттуда выпали маленький, но довольно увесистый пакетик, перевязанный голубой шелковой лентой, и лист голубоватой, пахнущей приторными сладковатыми духами бумаги, исписанный старомодным наклонным почерком.

Дорогая Катрин! – писала старуха. – Вы доставили мне немало приятных минут. Я с радостью говорила с вами о России, о Петербурге, с радостью слушала ваш прекрасный русский язык. Мне хотелось сделать вам небольшой подарок, чтобы вы хоть изредка вспоминали сумасшедшую старуху, с которой свела вас судьба...

На этом месте Катя хмыкнула – старуха и правда со странностями, но хорошо, что сама это понимает.

...Судьба вообще дама очень капризная, никогда не поймешь, что у нее на уме. Только немногие люди обладают даром подсматривать ее карты. Вот и я иногда,

словно в туманном зеркале, вижу, что ожидает того или другого человека. Не то чтобы в деталях, но примерно, в общих чертах, вижу его судьбу...

- Точно, чокнутая! - вслух проговорила Катя и продолжила читать.

...Вот и сейчас, я увидела, милая Катрин, что вас ждут большие перемены. У вас впереди большое будущее, вы приобретете значительную власть и влияние...

- Чокнутая! - повторила Катя.

...Но для того, чтобы занять достойное положение, вам предстоит выдержать настоящую схватку, и вот здесь вам поможет мой подарок. Не удивляйтесь, Катрин, и не думайте, что я на старости лет сошла с ума, но в свое время этот перстень принадлежал государыне Екатерине Великой, и он очень помог ей в трудные дни. Ко мне этот перстень попал от моей свекрови, которая была в некотором родстве с графами Бобринскими. Перстень этот не то чтобы волшебный, но необычный. Его нельзя продать, его нельзя украсть, его можно только подарить, в противном случае он всегда возвращается к прежнему владельцу. Мне много лет, и, как вы понимаете, долго владеть перстнем я не смогу, поэтому я решила подарить его вам. Еще раз - не удивляйтесь моему подарку и примите его с легким сердцем. Я много грешила в своей долгой жизни и буду очень рада, если в свои преклонные годы сделаю хоть одно доброе дело.

С искренней симпатией, Анна Мезенцева

Несколько секунд Катя удивленно разглядывала надушенное письмо, а потом торопливо развязала шелковую ленту. Бумажный пакетик раскрылся, и из него на стол выпал перстень.

Катя понимала толк в украшениях, у нее были собственные бриллианты, но ничего подобного этому перстню ей прежде не случалось видеть.

На ее взгляд, перстень был слишком велик и тяжел. В центре его красовался чудесно ограненный крупный сапфир, вокруг него в золотых розочках прятались

не меньше десяти бриллиантов. Все эти камни были самого лучшего качества, а такого сапфира Катя никогда не видела ни на одной ювелирной выставке.

В это время к ней подошел Павлик.

- Ой, мамочка, какой красивый синий камушек! - проговорил он, разглядывая сапфир. - Надень его на пальчик!

- Нет-нет, милый, он чужой, я должна его отдать!

- Ну, надень его на одну минутку! - канючил ребенок.

В конце концов она не удержалась и надела перстень на безымянный палец левой руки - и он сел на палец как влитой.

Несмотря на то что перстень казался большим и тяжелым, он совершенно не мешал, ей было удобно и как-то удивительно, непривычно комфортно.

Она как будто услышала скрипучий голос ненормальной старухи:

- Милая Катрин, это ваше украшение! Оно вам очень подходит, словно для вас сделано!

- Нет-нет! - вслух проговорила Катя. - Я не могу принять такой дорогой подарок! Ни в коем случае!

Она попыталась снять перстень, но, хотя он легко наделся и сидел на пальце совершенно свободно, снять его никак не удавалось. В конце концов Катя зашла в ванную и намылила палец - только тогда она смогла снять кольцо.

- Надо его сейчас же отдать, - проговорила Катя и положила перстень в пакет. - Отдать, пока она не уехала...

Однако, когда она спустилась вниз, чтобы узнать, в каком номере остановилась эксцентричная пожилая дама, портье ответил, что мадам уехала сегодня рано утром.

- Но как же... - растерялась Катя. - Она не оставила своего адреса, чтобы можно было переслать ей?..

- Она сказала, что ей все очень понравилось, но больше она к нам не приедет никогда, - ответил портье, - она уже выполнила все, что хотела. Вы что-нибудь понимаете?

- Да-да... - рассеянно ответила Катя и побрела к себе.

Но едва она отошла от стойки, к ней подошла незнакомая женщина лет пятидесяти, худощавая, с темными глубокими глазами и коротко остриженными черными волосами.

- Извините, я случайно услышала, что вы спрашивали о госпоже Мезенцевой, - проговорила незнакомка, взяв Катю за локоть.

- Да, а в чем дело? - удивленно спросила Катя.

- Дело в том, что я с ней вскоре увижусь. Так что, если вы хотите ей что-то передать, я могу...

- Вот как? - Катя подняла брови.

Она готова была поклясться, что до сегодняшней встречи не видела эту брюнетку. И уж во всяком случае, не видела ее рядом с той странной русской старухой.

- Вот как? - повторила она с сомнением. - Так дайте мне ее адрес. Я хочу ей кое-что послать!

- Послать? - Лицо брюнетки напряглось, ее рука с неожиданной силой сдавила Катин локоть. - Это не нужно посылать! Это слишком ценно, чтобы доверять посылке!

- Откуда вы знаете, что я имею в виду? - подозрительно осведомилась Катя.

– Я? Я ничего не знаю! – забормотала незнакомка. – Я просто хотела вам помочь...

– А я вас, кажется, об этом не просила! – Катя вырвала свой локоть. – Так вы можете дать мне ее адрес?

– Адрес? – Брюнетка явно заюлила, глаза ее забегали. – Да, конечно, он у меня где-то был... Ах, извините, я, кажется, забыла в столовой свою сумку! – И она поспешно ретировалась.

Катя проводила незнакомку удивленным взглядом. Сумка болталась у нее на плече.

Впрочем, Катя тут же выкинула странную брюнетку из головы. Правда, ненадолго.

В тот же вечер, возвращаясь с ужина, она увидела возле своей двери какую-то сутулую фигуру, возившуюся с замком.

– Что вы здесь делаете? – окликнула ее Катя.

Незнакомка испуганно обернулась – и Катя узнала ту подозрительную брюнетку, которая подходила к ней возле ресепшен.

– В чем дело? – Катя подняла брови.

– Ах, извините! – проговорила брюнетка, отступая от двери. – Я ошиблась... Я думала, это мой номер!

Катя смотрела на нее пристально и неодобрительно. Брюнетка, не поворачиваясь к ней спиной, двинулась вдоль стены боком, как краб, и исчезла за поворотом коридора.

А Катя, войдя в номер, первым делом проверила перстень, который оставила в ванной на раковине.

Перстень был на месте.

Она надела его – и перстень снова сел на ее палец как влитой. Будто именно для нее и был предназначен.

Все же не дело бросать такую дорогую вещь, словно это дешевенькое колечко, купленное в лавочке для туристов. Хорошо, что завтра домой...

– Ненавижу. – Фике шла по дворцовому коридору, повторяя это слово: – Ненавижу!

Для того ли она приехала в эту огромную холодную страну из уютного, маленького, привычного Штеттина, чтобы терпеть унижения от своего некрасивого, неумного и недоброго мужа и от его властной тетки, государыни Елизаветы Петровны? Для того ли, чтобы оказаться заложницей своего положения, одновременно величественного и жалкого? Для того ли, чтобы у нее отняли единственного ребенка? Для того ли, чтобы этот отвратительный человек, ее муж, ничуть не стесняясь, принимал своих любовниц?

Фике едва не заплакала злыми, горькими слезами, но смогла удержаться, вспомнив, что здесь, во дворце, стены имеют не только уши, но и глаза, и негоже показывать перед придворными свою слабость.

Чтобы успокоиться, она вспомнила свое счастливое детство, игры с ровесниками, матушкин садик, где было так славно гулять, собирать цветы и разговаривать с подругами, мечтать о будущем...

Не о таком будущем она мечтала!

Большой холодный город, скованная морозом Нева за дворцовым окном... холод, мрак, одиночество.

Не о таком будущем мечтала она теми счастливыми днями в Штеттине! Да и сама она была не такой...

Все ли еще она та веселая Фике, беззаботная немецкая принцесса? Или, крестившись заново по православному обряду, она действительно стала другим человеком, Екатериной Алексеевной?.. Она и имя-то это с трудом может

произнести!

Но вместе с тем она была околдована этим ледяным простором, этой огромной и загадочной страной. В Штеттине все было таким маленьким, таким игрушечным, таким... таким ненастоящим!

Как-то в детстве Фике с матушкой ездила в Амстердам и видела там замечательный кукольный дом. Потом, когда она выросла, дворец в Штеттине показался ей таким же кукольным домом.

Кукольный дворец, кукольное государство, кукольная армия, пригодная только для парадов и дворцовых караулов.

Здесь все другое – огромное, мрачное, настоящее...

Как было бы здорово покорить этот город, эту страну, стать королевой, императрицей этого бескрайнего пространства! Как было бы здорово достойно отплатить тем, кто сегодня смотрит на нее свысока, позволяет себе колкости, ехидные намеки!

В этих мечтах Фике дошла до своих покоев. Тут из двери выглянула Авдотья Нелидова, огляделась по сторонам и вполголоса проговорила:

– Ваше высочество Екатерина Алексеевна, он дожидается вас!

– Кто – англичанин? – Фике почувствовала странное волнение.

– Да, господин Вильямс.

Фике прошла в зеленую гостиную. Навстречу ей, приветливо улыбаясь, поднялся из кресла красивый пожилой человек в черном камзоле с тусклым серебристым галуном – английский посол Вильямс.

В который раз при виде посла Фике пожалела, что он слишком стар: она всегда любила умных, проницательных мужчин, а он обладал этими качествами в избытке.

– В добром ли вы здравии, ваше высочество? – осведомился англичанин, изящно поклонившись и коснувшись ее руки сухими холодными губами.

– На здоровье не жалуюсь, – ответила Фике сдержанно, – чего и вам желаю.

Англичанин почувствовал ее раздраженный тон, но тут же понял, что принцесса недовольна не им, что кто-то другой вызвал ее недовольство, испортил настроение.

Фике не собиралась раскрывать перед англичанином свою душу, не собиралась рассказывать о том смертельном унижении, которое только что пережила.

– Скажите лучше, любезный господин посол, – проговорила она, опустившись в бархатное кресло, – скажите, принесли ли вы деньги, о которых я просила?

– Принес. – Губы англичанина снова тронула улыбка. – Однако, ваше высочество, прежде чем передать их вам, хотел бы сказать следующее. Будь это мои деньги – я вручил бы их вам с радостью и безо всяких условий. Но, увы, я беден, беден как церковная мышь, а вам требуются большие деньги. Такие деньги может вам ссудить только мой государь, его величество король. А он, как вы догадываетесь, хочет знать, на какие нужды пойдут эти деньги, хочет убедиться, что потратит их для пользы и благоденствия Англии.

– Не сомневайтесь, господин посол. – Фике привстала и коснулась руки англичанина веером. – Не сомневайтесь и так и передайте вашему королю: эти деньги надобны мне не для развлечений. С помощью этих денег я хочу укрепить свое положение при дворе, хочу заручиться дружбою гвардейских офицеров.

– Вот как? – Посол внимательно смотрел на нее, ожидая продолжения.

– Вы хорошо знаете, милостивый государь, что в России дружба гвардейских офицеров – валюта драгоценная: именно через такую дружбу нынешняя государыня Елизавета Петровна получила свою корону. А сейчас, как вы знаете, господин посол, государыня не слишком здорова и лета имеет преклонные...

– Можете не продолжать. – Англичанин быстро оглянулся, он так же хорошо понимал, что во дворце и стены имеют уши. – Я понял. Значит, я могу передать

королю, своему господину, что в случае, если бы вам, ваше высочество, волею судьбы удалось приобрести большее влияние на политику России...

– Если бы мне удалось приобрести большее влияние, я постаралась бы сделать так, чтобы соблюсти интересы Англии. Ибо Англия – исконный союзник России, и мы должны вести дела таким образом, чтобы укрепить этот союз к пользе обеих стран. Согласитесь, милостивый государь, что Франция приобрела слишком большую силу, и ее надобно остановить, а для этого потребно, чтобы Россия и Англия соединили свои усилия...

«А еще... – добавила она мысленно, – а еще я сделаю все, чтобы отплатить за пережитые мною унижения. Но это не касается ни господина Вильямса, ни его величества короля».

– Я передам его величеству, что в вашем лице Англия приобретает союзника не только надежного, но чрезвычайно умного и дальновидного! – С этими словами посол вручил принцессе объемистый кошель. – Здесь двадцать тысяч фунтов, как вы и просили.

– Передайте его величеству мою признательность! – Фике благодарно улыбнулась, спрятала кошель в потайной ящик своего бюро. – И вас лично, господин посол, я сердечно благодарю, ибо понимаю, как многим я вам обязана...

– Ваш покорный слуга! – Англичанин церемонно поклонился. – Вот еще что, ваше высочество... я хотел бы подарить вам лично от себя одну безделицу.

С этими словами посол запустил руку в карман своего камзола и достал оттуда перстень с крупным сапфиром, синим, как южное море.

– Этот перстень достался мне от одного покойного друга. Друг мой говорил, что перстень этот сделал сам великий Бенвенуто Челлини по заказу папы римского. Сапфир же в перстне куда более древний. Челлини нашел его в гроте на развалинах римского форума. По легенде, этот сапфир некогда принадлежал божественному Августу. Мой друг говорил, что существует поверье: сапфир и сам перстень приносят своему хозяину удачу во всех его начинаниях, особенно в тех случаях, когда речь идет о достижении власти.

– Удача мне бы не помешала! – Фике осторожно взяла перстень у англичанина, надела на палец. Перстень сел на него как влитой.

– Говорят еще, что этот перстень нельзя ни купить, ни похитить: его можно только подарить, что я и делаю с превеликой радостью! – заключил англичанин.

– Прекрасная вещь! – проговорила Фике, любуясь синим камнем.

Перстень и правда был хорош, но не только красота его пленила Екатерину.

От этого перстня к ней в душу перелились какая-то непонятная сила и уверенность. Она почувствовала, что теперь ей ничто не страшно, теперь ее ничто не остановит.

– Благодарю вас, господин посол, благодарю от всего сердца! И передайте вашему государю, что в моем лице он приобрел надежного и преданного союзника!

Англичанин поклонился и вышел.

Свекровь была настолько любезна, что прислала своего водителя встретить их в аэропорту. Конечно, Катя предпочла бы, чтобы их встречал Петр, но надеяться на это значило бы слишком переоценивать себя.

Водитель был немногословен, только неохотно сообщил, что дома все в порядке.

Валентина выскочила на улицу, завохтала над Павликом, даже, кажется, прослезилась. Уж слишком она суетится, тут же подумала Катя, к чему бы это... Но отвлеклась от этой мысли.

Эльвира Никодимовна, которую отправляли на две недели в оплачиваемый отпуск, тут же взяла быка за рога.

– Павел, – сказала она начальственным тоном, – это очень хорошо, что вы вернулись вовремя. Таким образом, мы не отстанем от программы. Умойтесь и переоденьтесь, я жду вас в комнате для уроков.

– Я думаю, что сегодня занятия можно пропустить, – улыбаясь, сказала Катя, – мы только с дороги, Павлик устал...

– А я думаю, – Эльвира повернулась к ней всем телом, будто у нее внутри был железный стержень, – что каждый день промедления для вашего ребенка смерти подобен!

– О чем вы говорите! – отшатнулась Катя.

– Да-да! – Эльвира протянула руку. – Вы, именно вы, такие, как вы, равнодушные родители делают из своих детей совершенно не приспособленных к дальнейшей жизни мямлей и безответственных членов общества!

Ее длинный негнувшийся палец, казалось, сейчас воткнется Кате в глаз. Она отступала, а Эльвира надвигалась на нее, что-то говоря. Мелькнуло испуганное лицо Павлика, губы его дрожали, он едва сдерживал слезы. И опять это затравленное выражение, которое появилось у него с приходом Эльвиры. В отпуске был нормальный ребенок – веселый, ласковый, шалил, как все...

Кате захотелось взять в руки что-нибудь, хоть вон тот зонтик, и залепить Эльвире изогнутой костяной ручкой между глаз, может, тогда она замолчит.

Катя остановилась внезапно, так что Эльвира едва не налетела на нее, чудом сумев затормозить.

– В чем дело? – холодно спросила Катя. – Вы собираетесь со мной драться?

Эльвира посмотрела ей в глаза, сначала мельком, потом внимательнее, как будто впервые ее увидела.

– Валя, – сказала Катя, – возьмите мальчика, умойте его и переоденьте, я сейчас приду.

Валентина подчинилась молча, что само по себе заслуживало удивления.

– Я работала во многих достойных семьях! Я обучала детей, которые... которых... которым... Мне платят не за то, чтобы я спокойно смотрела, как родители портят своего ребенка! – Эльвира опомнилась и снова пошла в наступление.

– Вам платят не за то, чтобы вы пререкались с вашими работодателями! – процедила Катя ледяным тоном. – Не смейте повышать на меня голос в присутствии сына!

– Но я... я вовсе не... – настал черед Эльвиры пятиться, – и я... я непременно доведу до сведения... сегодня же... ни в одной семье так со мной...

– Вот, кстати, напомните-ка, где вы работали до того, как устроились к нам?

– Я уже все сообщила Елизавете Петровне! – Эльвира вскинула голову. – Предъявила дипломы и рекомендации.

– Значит, не хотите говорить? Хорошо, я выясню все в агентстве. Надеюсь, они будут более сговорчивы... – Катя резко повернулась, чтобы уйти.

– Мне нечего скрывать! – Голос Эльвиры прерывался от возмущения. – Я работала у режиссера Богачева! И у продюсера Денщикова! И у актрисы Малышкиной!

Тут на лицо Эльвиры набежала небольшая тень, она на мгновение запнулась.

– Занятий сегодня не будет! – отчеканила Катя. – После обеда можете почитать ребенку книжку и поиграть в тихие игры.

У себя в комнате она поглядела в зеркало. Вроде бы на первый взгляд ничего в ней не изменилось, отчего же сегодня оказалось довольно легко справиться с Эльвирой? До сих пор она не могла ей возразить, а сегодня отлично выстояла. Хотя до полной победы еще далеко.

Катя достала из сумочки перстень, что подарила ей та странная старуха. Перстень Екатерины Великой – ну надо же, чего только не придумают эти обломки старого мира!

Но перстень снова легко наделся на палец и сидел так, будто Катя носила его всю жизнь. Она полюбовалась на то, как свет играет в синем камне. Так же, как играют солнечные лучи в полуденной морской воде. Все-таки удивительно красивое кольцо!

Валентина доложила, что с ребенком все в порядке, только обедать отказался, съел грушу и пошел к себе в комнату, должно быть, соскучился по игрушкам.

– Я тоже не буду обедать, принесите кофе сюда.

И снова Валентина подчинилась беспрекословно, не скривилась, не проворчала в сторону, что люди кофе в столовой пьют, а в спальне небось разольете, только ковры пачкать...

Остаток дня Катя провела у телефона.

Она звонила в агентство по найму, которое прислало им Эльвиру, но выяснила там только номер продюсера Денщикова, не его самого, естественно, а секретаря. Ответил профессионально-холодный голос, который сообщил, что господин Денщиков с семьей уже почти год проживает в Испании.

Далее Катя часа полтора звонила знакомым на предмет получения каких-либо сведений и выяснила наконец, что режиссер Богачев все время на съемках, а жена его работала на студии, но пришлось работу бросить, потому что их сын пошел в школу, и выросло такое исчадие ада, что и сказать невозможно. Никто с ним сладить не может, никакая няня или воспитательница. Поменял уже три частные школы, никакие деньги не помогают, в последней директор сказал, что сам еще доплатит, если ребенка заберут.

– Так-так, – сказала себе Катя, повесив трубку, – возможно, люди преувеличивают, сплетни раздувают, но что-то в этом есть. Дыма без огня не бывает.

Телефон актрисы Малышкиной она нашла через старинную подругу своей мамы Галину Сергеевну. Та когда-то работала в университете, а потом ушла редактором на «Ленфильм». Вера Малышкина была актрисой немолодой, когда-то очень известной, а теперь почти забытой, как многие. Изредка мелькало ее лицо в каких-то незначительных сериалах, где она играла маму главной

героини, или тещу главного героя, или жену его начальника.

– Конечно, Катюша, конечно, позвони Верочке, она тебе все расскажет. Она сейчас не снимается, с внучкой сидит. Сошлись на меня, – сказала Галина Сергеевна.

Малышкина взяла трубку сразу. И мгновенно испугалась:

– Что, что такое с Галей?

Но разобрались довольно быстро. И как только пожилая актриса услышала имя Эльвиры, у нее даже голос изменился:

– Что? Она у вас работает? Гоните ее, Катя, гоните немедленно! Это не женщина, а монстр какой-то!

– Я тоже так думаю...

– Вот слушайте, что у нас было! – перебила Малышкина. – Значит, невестка моя, эта ду... небольшого ума женщина, прямо скажу, так вот она наняла эту Эльвиру через агентство. Ах, рекомендации, ах, лучший воспитатель, ах, свой уникальный подход, своя собственная авторская система! Какая там система, детей надо любить, иначе никакая система не поможет!

Малышкина перевела дыхание и продолжила:

– Я тогда на съемках была, сын в эти дела не вмешивается, хоть Светочку очень любит. А девочка у нас очень хорошая, но, как теперь говорят, проблемная...

Малышкина вздохнула и пояснила:

– Совершенно не может в коллективе находиться. Пугается шума, криков, а дети есть дети. Кто-то толкнул, кто-то игрушку отнял, она за себя постоять не может, сядет тихонько в уголке и будет весь день плакать. Оттого и в садик мы ее не отдавали. Так эта сволочь, прости господи на худом слове, знаю, конечно, что при ребенке нельзя так выражаться, но сдержаться не могу, значит, Эльвира эта Никодимовна сумела убедить невестку, что надо со Светочкиным характером

бороться. Надо, мол, эти качества изживать, вырывать с корнем прямо сейчас, иначе никогда из ребенка не получится настоящего человека, то есть в жизни она ничего не добьется.

- Еще наверняка она про полезного и ответственного члена общества говорила...

- Да-да, а невестка прониклась! И доверила ребенка этой садистке! - В голосе Малышкиной послышались слезы. - Значит, приезжаю я со съемок и не узнаю внучку. Она и раньше-то была тихая, а тут вообще ходит как тень, все время вздрагивает, голову в плечи втягивает, короче, затуркали совсем ребенка. А я с ними не живу, сначала и не поняла, в чем дело. Потом даже сын заметил, что ребенок ночью вскрикивает, просыпается со слезами...

Голос Малышкиной пресекся, чувствовалось, что ей трудно об этом говорить. Но она продолжила:

- Ну, познакомилась я с Эльвирой этой и сразу поняла, что Светочка боится ее до потери сознания. А у невестки ума немного, зато амбиции через край хлещут! Взбрыкнула она, мне сцену устроила, я, кричит, мать, плохого ребенку не желаю, а вы только сюсюкаете, так она никогда комплексы свои не преодолет, будет тихой мышкой прозябать! Простить себе не могу, что обиделась тогда на невестку, ушла и дверью хлопнула! Ну, я своими делами отвлеклась, со Светочкой изредка по телефону лишь разговаривала. Она еле отвечает, я уж грешным делом подумала, что мать ее против меня настроила.

И тут звонит мне сын - приезжай срочно, а не то я не знаю, что сделаю! Я - к ним, по дороге чего только не передумала...

Оказалось, все плохо. Невестка моя, ду... что обычного ума не хватает, так это еще ладно, бабы и без ума неплохо живут, но у нее даже житейской мудрости нету! Отдала ребенка этой Эльвире, а сама то с подружками по телефону треплется, то в ванне часами отмокает. Нет бы проверить, как вообще занятия проходят, потом ребенка расспросить, под дверью, наконец, послушать! Люди камеры ставят, если на то пошло!

«Точно, - подумала Катя, - и как я не догадалась...»

– В общем, сын домой заскочил не вовремя, что-то там забыл. Слышит из детской оглушительный крик Эльвиры этой. За что-то она Светочку отчитывает, привыкла, что никого нету, не стесняется уже. Приоткрыл он дверь, видит, стоит дочка, трясется вся, сама бледная, губы дрожат, а слезинки сдерживает, даже плакать боится! Ведь она боялась даже музыки громкой! А тут фашистка эта орет, и Светочка с ней один на один, никто не заступится!

– Ужас какой! – не выдержала Катя.

– Да уж, действительно ужас. В общем, был жуткий скандал, сын Эльвиру выгнал тут же. Невестке, конечно, попало, а что толку? У ребенка нервный срыв, к психиатру пришлось водить. Еле-еле Светочку в норму привели, сейчас не снимаюсь, сама с ней сижу, теперь уж никому не доверим. Так что, Катя, гоните эту дрянь вон как можно скорее! Она детей ненавидит, потому что у самой их нет, оттого и мстит всем родителям! Или уж не знаю почему, не хочу и думать о ней! Она у Богачевых ребенка до того довела, что он едва дом не поджег! Теперь совершенно неуправляемый стал!

– А что же вы в агентстве про это ничего не сказали? – возмутилась Катя. – Ведь она свои многочисленные дипломы да рекомендации людям в глаза тычет!

– Тут ведь как... – смутилась Малышкина, – сын-то мой сгоряча Эльвире оплеух надавал. Ну, она баба склочная, по судам затаскала бы. Он и говорит – пошла вон, и чтобы я тебя больше не видел! А шум поднимать не стал, нам не до того было, ребенка нужно спасать...

Катя положила трубку и глубоко вздохнула. Бедный Павлик, что его ожидает! Но не бывать этому!

Она вошла в детскую, где Павлик маялся над какой-то скучнейшей развивающей игрой, Эльвира, как всегда, по ходу дела строгим голосом читала ему нотации.

– Эльвира Никодимовна, – сказала Катя, отпуская Павлика, и он радостно помчался в гостиную смотреть мультфильмы, – в ваших услугах мы больше не нуждаемся. Я выплачу вам жалованье вперед за месяц и прошу как можно скорее покинуть наш дом.

– Что это еще вы придумали? – От возмущения Эльвира забыла, где находится, и дошла до полной наглости. – Не вы меня нанимали, не вам и увольнять! Я имела дело с Елизаветой Петровной, она видела мои дипломы и рекомендации и сочла мою педагогическую подготовку подходящей для вашего сына!

– Вот именно, для моего сына, – согласилась Катя, – я не позволю вам калечить ребенка!

– Да что вы понимаете в воспитании? – заорала Эльвира. – Да у меня такая педагогическая система! Да у меня такой опыт работы, что вам и не снилось!

– Опыт? – Катя в противовес Эльвире голоса не повышала. – Вот как раз об этом я хочу поговорить. Значит, вы утверждаете, что добились отличных результатов с девочкой Малышкиных, которую довели до настоящего нервного срыва? После общения с вами ребенок лечился у психиатра, и родители не стали жаловаться только потому, что отец имел неосторожность надавать вам пощечин! И надо сказать, я его понимаю...

– Неслыханная наглость! – На лице Эльвиры было написано праведное возмущение. – Я хотела подать в суд, но его жена просто умоляла меня этого не делать!

«Врет!» – без труда поняла Катя.

– А ребенок режиссера Богачева? После ваших занятий по вашей так называемой специальной системе он вообще перестал адекватно воспринимать окружающее!

– Это не ребенок, а наказание господне! Это потенциальный преступник! – отговорила Эльвира.

– Возможно, но до того, как родители наняли вас, с ним все-таки худо-бедно можно было ладить. И знаете, что я думаю? Вы попытались его сломить – и вот вам результат, он теперь не слушает вообще никого! Вы жестоки, бессердечны и совершенно не понимаете детей, вы отвратительный педагог!

– Это неправда, это голословные обвинения, я всегда, всю жизнь... – Эльвира задыхалась, глаза ее горели, – у меня образование и стаж работы... Вы не смеете...

– А что вы сделали с ребенком Денщикова, если они бросили все и вот уже год не показываются в России? – Катя кинула пробный камень и поняла, что попала в точку.

Эльвира побледнела и отшатнулась, Катя поняла, что победа на ее стороне.

К вечеру, когда домой явились свекровь и Петр, Эльвиры уже и след простыл.

– Папа! – Павлик повис на шее у отца, Катя заметила, что свекровь чуть поморщилась и покрутила головой.

– Что за шум... – пробормотала она. – Валя, позови воспитательницу, ребенку пора спать!

– А ее Катерина Алексеевна уволила! – тут же выболтала Валентина, в голосе ее слышалось легкое злорадство, уж очень любила она, когда хозяева ссорятся.

– В чем дело? – спросила свекровь, холодно взглянув на Катю.

– Павлик, иди к себе, – Катя ласково погладила сына по голове и легонько подтолкнула к детской. – Может быть, не будем разговаривать в прихожей?

Павлик ни за что не хотел отпустить отца, тот понес его на руках едва ли не с радостью – не хотел наблюдать, как свекровь станет выговаривать Кате.

– Что это ты раскомандовалась? – устало спросила свекровь, когда они вошли в ее кабинет.

И поскольку Катя молчала, свекровь продолжала, потихоньку распаляясь:

– Что еще за выверты? Знаешь прекрасно, что мне некогда этим заниматься, так теперь еще новое дело – эта воспиталка ей, видите ли, не угодила, нужно новую искать! А когда? Катерина, ты хоть изредка мозги включаешь? У меня забот на

канале выше крыши, а тут еще дома все не слава богу!

– А с чего вы взяли, что лучше всех знаете, какая воспитательница нужна Павлику? – Снова Катя говорила спокойно, но твердо и решительно. – С чего вы вообще решили, Елизавета Петровна, что разбираетесь в воспитании детей?

– Ну, знаешь! – Свекровь даже удивилась. – Павел все-таки мой внук! Надеюсь, ты не забыла?

– И что? – холодно продолжала Катя. – Вы проводите с ним много времени? Вы рассказываете ему вечером сказки, вы сидите с ним ночью, когда он болеет, вы знаете, сколько у него осталось молочных зубов, вы отвечаете на его вопросы, вы знаете имена его друзей, вы учите с ним стихи?..

– Ты хочешь сказать, что я плохая бабушка? – усмехнулась свекровь. – Видишь ли, дорогая моя, я хочу оставить внуку кое-что получше бабушкиных сказок! Я хочу оставить ему Дело! Дело с большой буквы! Дело, которое он сумеет продолжить! А ты уж сама разбирайся с его молочными зубами!

– Вот именно, – Катя наклонила голову, – уж позвольте мне самой решать, как будет лучше, раз уж я занимаюсь сыном!

– Не позволю! – Свекровь с размаху рубанула рукой воздух и снова еле заметно поморщилась, как бы прислушиваясь, что у нее внутри. – Ты будешь с ним сюсюкать, баюкать его и баловать и вырастишь такого же рохлю и лентяя, как...

Она замолчала, но Катя поняла. Такого же, как Петя. Вот как, оказывается, она думает о собственном сыне. Что ж, в этом Катя не виновата, свекровь сама его воспитывала. Что выросло, то выросло. Катя посмотрела свекрови в глаза очень выразительно. И увидела там не злость, а усталость. И еще что-то непонятное.

– Пусть так, – сказала она как можно спокойнее, – вы все хотите контролировать, никому не доверяете. И поэтому готовы отдать ребенка самому настоящему монстру, садистке с дипломом педагога. Просто назло мне!

– Что ты несешь? – Свекровь хотела махнуть рукой, но не стала этого делать.

- Она покрутила перед вами дипломами, а вы и рады!

Дальше Катя скороговоркой рассказала про трех предыдущих работодателей.

- Не может быть! - Свекровь прижала руки к вискам, как будто что-то сдавливало голову.

Но сказала она это просто так, по инерции, судя по всему, на нее произвело впечатление то, что Катя так тщательно сделала проверку Эльвириного послужного списка.

- Ладно, - сказала свекровь, отпуская ее, - но с агентством этим я разберусь.

- Я сама разберусь! Завтра же!

Елизавета Петровна мрачно посмотрела на директора новостной редакции Павловского и перевела взгляд на новую ведущую. Павловский усиленно смотрел в пол, лысина его блестела от пота: он чувствовал, что хозяйка гневается. Ведущая, самоуверенная блондинка с холеным породистым лицом, держалась вызывающе, на губах ее играла едва заметная улыбка.

- Оксана Константиновна, - начала Елизавета внешне спокойным голосом, - когда мы с вами подписывали контракт...

- Когда мы с вами подписывали контракт, - перебила ее ведущая, - мы отдельно оговорили, что я имею право на определенную творческую самостоятельность.

- Я попрошу не перебивать меня! - Елизавета повысила голос, хотя давала себе слово сдерживаться в разговоре с этой московской штучкой. - Вы имеете право на самостоятельность, но только чтобы это не шло во вред каналу!

- Во вред? - Оксана подняла красивые тонкие брови. - Насколько я знаю, с моим приходом рейтинги поднялись на три-четыре пункта! Игорь Олегович, я не ошибаюсь?

Павловский заерзал в кресле, вытер платком вспотевшую лысину и проямлил:

- Да, конечно, рейтинги повысились... но если Елизавета Петровна считает...

- Елизавета Петровна считает, что вы можете засунуть рейтинги сами знаете куда! - Елизавета ударила кулаком по столу, ее сузившиеся глаза метали молнии.

Павловский привычно испугался, потянулся за своими таблетками, но сама Елизавета чувствовала, что удар вышел каким-то неубедительным, слабоватым и молнии были бледноваты.

Вообще она сегодня чувствовала себя хуже некуда. Что это - неужели старость? Да нет, она просто устала, надо отдохнуть, но когда? Штурвал нельзя выпускать из рук! Петя слабоват, не удержит, а вокруг шныряют такие акулы! Стоит только показать перед ними слабость - сожрут и не подавятся!

- Рейтинги можете засунуть сами знаете куда, - повторила она.

- А что же тогда важно? - насмешливо переспросила Оксана. - Я, признаться, думала, что высокие рейтинги - показатель уровня работы программ и залог финансовой стабильности канала... от рейтингов зависит реклама, а значит - деньги...

- Не забывайте, какой на дворе год! - остудила ее Елизавета. - Рейтинги, конечно, важны, но гораздо важнее репутация канала! Репутационные издержки не окупаются никакими рейтингами...

- Но, Елизавета Петровна, я не понимаю, чем вы недовольны. Я, кажется, ничем не навредила репутации...

- Это вам так кажется! Вы не удержались от шпильки, когда говорили о последней постановке Среднего драматического театра, сказали, что половина зрителей сбежала после первого действия, так что в гардеробе выстроилась очередь...

- Ну и что в этом такого? - Оксана пожала плечами.

- Во-первых, это были обычные вечерние новости, а не новости культуры...

- Но у меня оставалось еще полторы минуты, и я подумала, что это оживит программу...

- Оживило! - перебила ее Елизавета с неприязнью и сарказмом. - А вы не подумали, кто играл главную женскую роль в этом спектакле? Это не пришло вам в голову?

- Залесская... - протянула ведущая.

- А вы не подумали, чья она жена?

- Ваши мелкие городские дразги... - начала Оксана, - провинциальный гадюшник...

- Молчать! - вскрикнула Елизавета. - Эти, как вы выражаетесь, мелкие дразги могут стоять мне очень крупных неприятностей! И не только мне, но и всему каналу!..

Она хотела еще что-то сказать, но внезапно стало тяжело дышать, перед глазами поплыли красные круги, стены комнаты закачались. Вдруг на столе зазвонил телефон. Елизавета сняла трубку, удивившись тому, как дрожит рука.

- Алла, нельзя ли попозже... - проговорила она, с трудом ворочая языком.

- Елизавета Петровна, - раздался в трубке неуверенный голос секретарши, - это Волованов!

- Ну вот, уже! - Елизавета взглянула на ведущую и безнадежно добавила: - Соединяй...

На этот раз в трубке загудел недовольный, раздраженный голос вице-губернатора:

- Елизавета Петровна, что вы себе позволяете? Или вы думаете, что теперь городское руководство для вас не указ? Вы надеетесь на свои московские...

– Нет, Сергей Аристархович, я не думаю... я не надеюсь... это случайность... новый сотрудник был не в курсе... это не повторится... я вам обещаю...

– Надеюсь! – Волованов прибавил в голос грозových раскатов. – Вы не забыли, о чем мы с вами говорили на заседании комитета по средствам массовой информации?

– Не... не забыла... – с трудом выговорила Елизавета и вдруг с удивлением увидела, что к ее лицу стремительно приближается столешница черного дерева.

– Что... что такое... – пролепетала она, выронила трубку и упала лицом на стол.

Павловский вскочил, схватил ее за руку, не нашел пульса, забегал по кабинету. Ведущая невозмутимо сидела на своем стуле. На ее лице читалось выражение высокомерного, аристократического безразличия. Потом Павловский вылетел из кабинета, подбежал к секретарше, размахивая руками. Алла испуганно отшатнулась, вскочила:

– Что с вами, Игорь Олегович? Что случилось?

Павловский наконец обрел дар речи.

– Слу... случилось! – выкрикнул он, с трудом выталкивая слова. – Но не со мной! Елизавета Петровна... она... – он снова замолк и потащил Аллу в кабинет.

Увидев лежащую лицом на столе Елизавету, секретарша не потеряла головы. Она нашла пульс, вызвала «Скорую помощь», выпроводила Оксану и Павловского, которому предварительно дала валерьянки, дозвонилась до Петра Федоровича.

«Скорая» приехала довольно быстро. Молодой врач послушал сердце, поднял веки, посветил в них фонариком.

В это время в кабинет вошел Петр.

– Что здесь происходит? Что с ней? Что с матерью? – спросил он у Аллы.

Ответил за нее врач:

- Инсульт. Немедленно везем в больницу.

- Но... но она...

Он хотел спросить, выживет ли мать, и не мог произнести эти простые слова. Но врач его и без слов понял – видно, часто ему приходилось отвечать на такие безмолвные вопросы.

- Не знаю, – он пожал плечами, – честное слово, не знаю. Человеческий мозг – невероятно сложное устройство, ничего нельзя сказать с уверенностью.

Когда Елизавету на носилках выносили из кабинета, она вдруг приподнялась и открыла глаза. Лицо ее было перекошено, подбородок дрожал, по нему сползала тонкая ниточка слюны. Увидев сына, она странно, хрипло всхлипнула и попыталась что-то сказать. Однако вышло у нее только какое-то нечленораздельное мычание, что-то вроде «н-не-не-не...».

Едва английский посол покинул покои Екатерины, в дверях снова появилась фрейлина Нелидова. На сей раз вид у нее был еще более таинственный, на щеках играл румянец, глаза блестели.

- Господин Орлов! Просить?

- Обожди! – Фике вскочила, хотела позвать камеристку, но передумала, сама взяла ручное зеркало в серебряной оправе, оглядела себя, осталась недовольна: после причиненного мужем расстройствa лицо было еще бледно. Похлопала себя по щекам, поправила парик, одернула платье и только тогда позволила:

- Зови!

Тут же вошел Орлов, блестящий гвардейский офицер – высокий, широкоплечий, с живыми яркими глазами. Быстро подошел, поцеловал руку. Взгляд его при этом задержался на новом перстне. Отпустив руку, поднял глаза на принцессу:

– Благополучны ли вы, ваше высочество? Ваши ясные глазоньки красны – не плакали ли вы?

– Этот жестокий человек, мой муж, довел меня до слез, – призналась Фике. – Впрочем, не будем о нем. Скажи лучше, мой друг, благополучен ли ты сам? Мне передавали, что ты сильно проигрался...

– Ох, правда ваша! – Орлов развел руками. – Знаете, как говорят – не везет в карты, значит, повезет в любви! Так что намедни я и правда много проиграл, не знаю, что и делать!

– Не беспокойся, мой друг! – Фике улыбнулась. – В этом горе я тебе помогу. Сколько, говоришь, ты проиграл?

– Много... восемь тысяч.

– Не беда, – Фике открыла бюро. – И вот еще, мой друг. Передай от меня денег тем бравым офицерам, о которых ты давеча говорил, да скажи – мол, Екатерина Алексеевна велела за нее молиться.

– Непременно исполню, ваше высочество! – Орлов снова потянулся к ее руке.

– Обожди, – Фике покосилась на дверь, понизила голос. – Тут больно много шпионов. Так и норовят подслушать, подглядеть да передать государыне. Ты лучше, мой друг, приходи нынче ночью, после полуночи. Авдотья тебя проведет...

Ночью в покои Екатерины Алексеевны вбежала Авдотья Нелидова, простоволосая, в накидке, наброшенной поверх ночной сорочки, со свечой в руке. Остановившись посреди спальни, приоткрыла рот, но не решалась заговорить. Фике приподнялась на кровати, прикрыла одеялом лежащего рядом мужчину, раздраженно прошипела:

– Что пришла? Что смотришь? Коли вошла, так говори, чего надо, не стой столбом!

– Ваше высочество, неладно во дворце! – отвечала Нелидова свистящим испуганным шепотом. – Шум, люди ходят, огни горят... как бы чего не вышло!

– Вот как? – Фике повернулась к Орлову. – Правда, дружок, лучше тебе уйти от греха. Ежели что случилось, так тебе нужно быть при своем полку.

Григорий Орлов выбрался из кровати, натянул исподнее, собрал ворох одежды. Прежде чем покинуть спальню, склонился поцеловать, но Фике отмахнулась:

– Иди, дружок, иди, после увидимся!

Он кивнул и вслед за Нелидовой прошел в примыкающую к спальне гардеробную. Там он оделся, и Авдотья потайным ходом вывела его из дворца.

Теперь Фике и сама слышала шум, доносящийся из покоев государыни.

Вскоре поблизости раздались шаги многих людей, дверь покоев отворилась, на пороге стоял придворный из свиты наследника – тот, которого она давеча встретила в покоях мужа.

– Что такое? – воскликнула Фике, сев в постели и делая заспанное лицо. – Как ты смеешь входить ко мне в такой час?

– Ваше высочество... государь просит вас сей же час непременно пожаловать!

– Что ты несешь? – насупилась Фике. – Какой государь? Говори толком – что стряслось?

– Государыня Елизавета Петровна почилла в бозе. Государь Петр Федорович просит вас сей же час пожаловать.

– Вот оно что! – Фике нахмурилась. – Так выйди прочь и вели прислать ко мне камеристок – одеваться!

Перед покоями Петра Федоровича толпились придворные – кто еще не ложился, кто был разбужен и явился небрежно одетый, в разобранном парике. Все шептались или вполголоса переговаривались, нет-нет и оборачиваясь к покоям

нового государя. При появлении Фике общий гомон усилился, на нее глядели с любопытством, некоторые низко кланялись, некоторые демонстративно отворачивались. Вдруг двери открылись, в залу вышел незнакомый гвардейский офицер, нашел взглядом Екатерину Алексеевну и проговорил без должного почтения:

– Ваше высочество, государь просит вас пожаловать.

Фике подчинилась, подумав про себя: коли я – высочество, так он – пока что не государь; а коли он государь, так и меня следует величать соответственно.

Петр Федорович стоял посреди комнаты, одетый в парадный мундир, и поправлял манжету. Чуть в стороне находились несколько приближенных, среди которых Фике узнала графа Апраксина. Совсем рядом с Петром стояла фрейлина Елизавета Воронцова, нескладная и плотная, в бирюзовом платье, шитом серебром, чересчур нарядном для такого позднего часа. На широком лице ее была растерянность, сменяющаяся то тщетно скрываемой радостью, то смущением. При виде Фике она побледнела и отступила в сторону.

– Не пугайся, душа моя, – остановил ее Петр, – не принимай в расчет мою запасную мадам; тебе до нее нет никакого дела.

После этих слов он повернулся к жене и проговорил сухо, таким тоном, каким обыкновенно отчитывают прислугу:

– Долго же вы шли к своему мужу, сударыня. Должно быть, крепко спали.

Екатерина промолчала, и он продолжил:

– Должно быть, вы уж слышали. Государыня императрица нынче ночью скончалась. С этого дня я – самодержец всероссийский. Но вас, сударыня, это не должно беспокоить. Вы будете жить, как жили, в своем крыле дворца.

– А вы, стало быть, поселите здесь эту особу? – холодно осведомилась Екатерина.

– Я поступлю, как сочту нужным! – отрезал Петр. – И впредь, сударыня, извольте относиться к Елизавете Романовне со всем возможным уважением. Эта особа, как вы изволили выразиться, по всем понятиям куда достойнее вас...

– Не нужно, государь! – вполголоса проговорила Воронцова.

– Не беспокойтесь, душа моя! – Петр ласково коснулся ее руки. – Моя запасная мадам должна понимать, что к вам надлежит относиться почтительно!

– Вот как! – Екатерина повернулась к двери, чтобы выйти.

– Вот так! И извольте стоять и слушать, когда с вами разговаривает государь! И хочу предупредить вас, что вам должно вести себя самым безупречным образом, чтобы не навлечь на себя мой гнев, а также во всех необходимых случаях являться и сопровождать меня, когда того требуют приличия.

– А до вас оные приличия не относятся? – резко промолвила Екатерина.

– Я – государь! – отрезал Петр. – Все, сударыня, больше я вас не задерживаю!

Катя узнала о том, что произошло со свекровью, от секретарши Аллы. Та позвонила вечером в поисках Петра, потому что мобильный у него был отключен.

– Его нет, – сказала ошеломленная Катя, – наверно, он в больнице.

Алла как-то странно хмыкнула и повесила трубку, попросив передать Петру Федоровичу, что завтра в десять утра совещание придется проводить ему.

Муж явился только после двенадцати, когда у Кати уже рука устала тыкать в кнопки мобильного.

– Где ты был? – Она подошла ближе, пахло от него спиртным и еще чем-то чужим, незнакомым.

– Мать в больнице, – бросил он вместо ответа.

– Я знаю, мне звонили. Как она?

Муж раздраженно отмахнулся и сбросил пальто на руки вбежавшей Валентине.

– Ванну! – сказал он. – И коньяка туда принеси!

– Сию минуту!

Катя бросила на домработницу испытующий взгляд и успела заметить какое-то странное выражение. Не то злорадство, не то удовлетворение. Валентина поскорее опустила глаза, в которых было написано: «Знаю, да не скажу!»

Ее отвлек телефонный звонок. Чужой равнодушный голос сообщил, что Елизавета Петровна Коваленко скончалась час назад в палате реанимации, не приходя в сознание.

Катя аккуратно положила трубку и сделала шаг в сторону ванной, где плескался муж. Но неожиданно задержалась, потому что ее пронзила мысль: если бы муж был в больнице, то он бы знал о смерти матери, если же он был не в больнице, то где же он тогда пропадал весь вечер?

И этот незнакомый запах, и взгляд Валентины – а я знаю! Что она такого знает, чего не знает Катя? Неужели у мужа кто-то есть? Катя ничего не замечала. Хотя не было же ее две недели, вот он и успел. А все свекровь, не пустила его с ними отдыхать!

Тут Катя осознала, что свекровь только что умерла, и устыдилась. Так вот отчего вчера в глазах ее была нечеловеческая усталость и тоска! Смертельная тоска...

Как ни искала Катя, она не могла найти в своей душе никакого горя. Но все же Пете она мама... И не время сейчас выяснять отношения, нужно его утешить.

Катя сделала скорбное лицо и постучала в ванную.

Последующие несколько дней Кате не представилась возможность поговорить с мужем. Он почти не бывал дома, все время пропадал на работе. Катя тоже была

занята. Нашла новую няню для Павлика, записала его в развивающий центр, куда нужно было возить ребенка три раза в неделю. Звонили какие-то люди домой, передавали соболезнования, Катя отвечала по телефону сама.

Наконец настал день похорон. Катя подъехала к зданию канала одна на своей машине, муж давно уже был там.

Возле главного входа стояли похоронные автобусы, около них курили водители. Перед дверью Катю встретила секретарша покойной Алла – с красными глазами, в черной старушечьей косынке. Испуганно взглянув на Катю, проговорила:

– Что теперь будет? Что будет?

Катя пожала плечами, прошла вместе с Аллой через проходную.

Гроб стоял в зале заседаний. Елизавета Петровна лежала в нем величественная, надменная. Казалось, она председательствует на собственных похоронах. В ногах у нее громоздились цветы. Вокруг толпились сотрудники компании, газетчики, люди с других каналов. Катя узнала нескольких известных артистов, новую ведущую канала – красивое, породистое, но совершенно равнодушное лицо. Чуть в стороне от них стоял плотный приземистый мужчина в дорогом, отвратительно сидящем костюме, с тяжелым подбородком и одутловатым лицом. Вокруг него образовалось пустое пространство.

Катя искала глазами мужа и наконец увидела его – Петр в дальнем углу о чем-то вполголоса разговаривал с длинноногой блондинкой, на лице его играла пошлая, неуместная улыбка. Блондинка улыбаться не смела – все ж таки похороны, но строила ему круглые голубые глазки. К Петру подошел Муратов, что-то негромко сказал. Петр стер с лица неподобающее выражение, протиснулся поближе к гробу. Катя подошла к нему, взяла его под руку. Петр дернулся, недоуменно и неприязненно покосился на нее. Едва шевеля губами, она прошептала:

– Веди себя прилично! Все-таки это похороны твоей матери!

Петр посмотрел на нее волком, но смолчал.

И тут Кате показалось, что земля уходит у нее из-под ног.

На середину зала вышел высокий, представительный мужчина с красивым самоуверенным лицом.

Тот самый мужчина, с которым она провела несколько безумных ночей на Канарах, тот самый Алексей, у кого в номере она обмирала от страсти, к кому бегала, едва дождавшись, когда Павлик заснет.

Катя закрыла глаза, сосчитала до десяти.

Этого не может быть, сказала она себе, это мне померещилось. Такого просто не бывает.

Она открыла глаза... но ничего не изменилось: посреди зала стоял именно он, тот самый мужчина, герой ее непродолжительного курортного романа.

– Кто это? – вполголоса спросила она Аллу, которая оказалась поблизости.

– Кто? – Секретарша удивленно взглянула на нее, проследила за ее взглядом. – Ах, это! Рокотов, Алексей Григорьевич Рокотов, начальник юридического отдела.

Рокотов почувствовал ее взгляд или услышал их перешептывания и посмотрел на Катю.

По его лицу она поняла, что он ничуть не удивлен.

Ее появление на похоронах Елизаветы Петровны не было для него сюрпризом.

Значит... – до Кати наконец дошло, – значит, он прекрасно знал, кто она такая... знал еще там, на Канарах? Значит... значит, он видел ее здесь раньше... Так вот почему его лицо при встрече показалось ей смутно знакомым!

Катю обдало жаром. Ей показалось, что все смотрят на нее. Конечно, показалось. Никому не было до нее ни малейшего дела, люди смотрели вовсе не на нее.

Рокотов постучал пальцем по микрофону.

В зале воцарилась тишина.

Привычным, хорошо поставленным голосом он объявил о начале гражданской панихиды.

– Сегодня мы прощаемся с Елизаветой Петровной Коваленко... Елизавета Петровна стояла у истоков нашей компании, она отдала каналу всю свою жизнь, все свои силы...

Рокотов произнес еще несколько обтекаемых дежурных фраз и под конец сказал:

– А теперь я хочу предоставить слово для прощания председателю комитета по средствам массовой информации Сергею Аристарховичу Волованову.

К микрофону подошел тот самый приземистый мужчина. Он тоже начал произносить ничего не значащие дежурные слова о том, как много сделала покойная для телевидения, для города, для мировой культуры.

– Это после разговора с ним Елизавету Петровну хватил insult! – прошептала на ухо Кате появившаяся рядом Алла. – И у него хватает совести...

После Волованова вышел Муратов.

Он говорил просто, живыми словами, вспоминал какие-то грустные и смешные эпизоды, и видно было, что всерьез расстроен смертью Елизаветы. Расстроен и озабочен судьбой канала.

Потом говорили еще какие-то люди. Наконец гроб вынесли из зала, и почти все поехали на кладбище.

Катя с трудом прошла к могиле по сырой рыхлой земле, ее элегантные сапожки совсем для этого не годились. Один раз она чуть не упала, к счастью, ее поддержал оказавшийся рядом Муратов. Петр вообще куда-то исчез по дороге. Время от времени она замечала идущего впереди Рокотова, но тут же отводила

глаза.

Вдруг в какой-то момент он оказался рядом с ней, проговорил вполголоса, не поворачивая головы:

– Как ты?

– Ты спрашиваешь? – прошептала она возмущенно. – Ты еще спрашиваешь? Ведь ты знал, знал!

– Ну, допустим, знал... – ответил он, едва шевеля губами. – Но ведь это было хорошо?

– Да какая разница!

– Тихо! – Он скосил на нее глаза. – Об этом никто не должен знать, правда?

Ответить она не успела: он уже ушел вперед. Катя даже засомневалась – не почудился ли ей этот разговор.

На кладбище было очень холодно, дул сырой порывистый ветер. Катя подняла воротник, спрятала руки в карманы, но все равно у нее зуб на зуб не попадал.

Снова говорили какие-то слова, потом трезвые расторопные могильщики опустили гроб в яму. Все присутствующие по очереди подходили и бросали на крышку гроба землю, Катя в свою очередь тоже бросила тяжелый желтоватый глинистый комок. Она увидела гроб, который до половины стоял в грязной воде. Ее невольно передернуло – она представила там, внутри, Елизавету. Рядом с ней возник Петр, от него слегка несло спиртным, но за это Катя его не осуждала. Когда все закончилось, к ней подошел Муратов и протянул фляжку. Она благодарно взглянула на него, сделала большой глоток. В желудке стало горячо, отчего-то захотелось плакать.

Муратов посмотрел на нее внимательно, сочувственно и негромко проговорил:

– Что же теперь будет? Со смертью Елизаветы Петровны закончилась целая эпоха в жизни нашего канала.

– Что же теперь будет... – повторила Катя его слова. Но она вкладывала в них совсем другое значение.

На поминках были все те же бесконечные многословные речи, потом наконец все выпили, и атмосфера более-менее разрядилась. Начальство отметилось и уехало, старейшие сотрудники канала сидели группой и тихонько вспоминали былое, какие-то мужчины жадно пили дармовое вино, какие-то женщины хихикали и сплетничали. Петра не было видно, Катя устала искать его глазами. Она подумала немного и решила ехать домой, здесь никто не заметит ее отсутствия. Если честно, то и присутствия ее никто не замечал.

Ресторан оказался большой и незнакомый, Катя никогда тут раньше не была. Некстати ей пришло в голову, что она вообще редко бывала где-нибудь с мужем. Если нужно было устроить ужин с партнерами или деловой обед с крупными рекламодателями или пригласить кого-то из городского начальства, чтобы между закуской и горячим утрясти некоторые деликатные вопросы, свекровь с мужем ходили вдвоем – вроде как они пара, а Катя была бы третьей лишней.

Катя незаметно вышла из-за стола, привела себя в порядок, подкрасила губы, и здесь, в темном пыльном тупичке возле гардероба, ее перехватил Рокотов.

– Катя... – он взял ее за руку.

Она попыталась вырвать руку, но он держал крепко.

– Пусти... – прошипела она, – пусти, а то я закричу!

И тут же поняла, что никогда этого не сделает. Еще не хватало устроить скандал на поминках.

– Катя... – повторил он и прижался к ее плечу на долю секунды. Пахнуло его одеколоном, и Катя вздрогнула, до того явственным было воспоминание. От него шел жар, который сразу передался Кате, она вспыхнула вся, до корней волос, по телу прошла томительная дрожь.

Это невозможно! Титаническим усилием воли она взяла себя в руки.

– Чего ты хочешь? – Она пыталась произнести эти слова как можно тверже, но голос предательски дрогнул. – Ты обманул меня, ты воспользовался мной, как...

– Катя, я виноват только в том, что не признался тебе раньше! – Он говорил, приблизив губы к ее уху. Было щекотно, и Катя сосредоточилась на этом приятном ощущении.

– Катя, милая, если бы я тогда признался, что работаю на твоего мужа, разве было бы у нас что-нибудь? Ты шарахнулась бы от меня и обходила стороной!

Катя не могла с ним не согласиться.

– Пусть так, – сказала она и отстранилась, – но теперь все позади. Мы простились там, и вовсе незачем начинать эту историю снова. Всего хорошего, мне надо идти.

– Я понимаю, – он не торопился отпустить ее руку, хотя в тупичок заглянул седоватый представительный гардеробщик, – я все понимаю, разговаривать нужно не здесь. Катя, мы не можем так расстаться! Я должен с тобой поговорить в спокойной обстановке, это очень важно! Важно нам обоим!

– Хорошо... – она нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, ей очень не нравился взгляд гардеробщика.

Из зала слышался шум, не ровен час, кто-то пойдет на выход и увидит ее с Рокотовым. Мужу сразу же доложат.

– Хорошо, – повторила она, – позвони мне завтра утром, мы назначим встречу.

Мелькнула мысль, что зря она так быстро согласилась. А, пустое, нужно выяснить поскорее отношения и объяснить Рокотову, что у курортного романа не может быть никакого продолжения. Так объяснить, чтобы он понял.

Дома все было в порядке, только Валентина завесила все зеркала в доме черными тряпками, откуда только взяла их. Павлик играл с Лидией в прятки,

похоже, новая няня пришлась ему по душе.

Против обыкновения Катя не зашла к сыну перед сном, она чувствовала себя совершенно разбитой. Может, промерзла там, на кладбище, и простудилась?

Нет, незачем обманывать себя. Разумеется, похороны – неприятное событие, оно на кого угодно навеивает тоску, но Катя была потрясена встречей с Рокотовым. По приезде с курорта она сделала все, чтобы забыть свой мимолетный роман. И почти преуспела в этом. И вот теперь все началось снова.

Ничего не началось, тут же опомнилась Катя, она этого не допустит, будет держать себя в руках и твердо скажет Рокотову, чтобы более ее не беспокоил.

Муж вернулся поздно, Катя сквозь сон слышала, как он раздевался, потом тяжело плюхнулся на кровать.

Встала она рано, муж жутко храпел, лежа на животе. Катя пошла будить Павлика, затем прошлась по квартире, окидывая ее хозяйским оком. Так, надо будет сказать Валентине, чтобы сняла эти жуткие черные тряпки, ни в одно зеркало не посмотреться. И убрать из гостиной портрет свекрови, увитый траурными лентами, а то не гостиная, а красный уголок завода шарикоподшипников!

Катя понятия не имела, что такое красный уголок и что такое шарикоподшипник, но свекровь упоминала такое в сердцах. Катя даже остановилась, вздрогнув, – никогда раньше не говорила она, как свекровь. Вот ведь пристало выражение...

Валентину она нашла в комнатке при кухне, где стояли стиральная машина, пылесос и сушилка. Домработница заправляла стиральную машину. При виде хозяйки она вздрогнула и попыталась прикрыть собой грязное белье. Правда, тут же опомнилась и взяла себя в руки. Но Катя уже успела кое-что заметить.

– Валя, – мягко сказала она, – я не могу найти ореховые хлопья для Павлика, – вы их переставили?

- Да нет же, все на месте! - Валентина бросила белье и устремилась на кухню.

Хлопья были на месте, и Валентина посмотрела на хозяйку с удивлением. Но Катя тут же успела ее освободить зеркала, а сама заглянула в стиральную машину. Так и есть - вот рубашка мужа, она была на нем вчера. Вся измазана помадой и тушью. Скотина, в день похорон матери и то не мог сдержаться! А Валька его покрывает - ишь как глаза забегали, ясно, что не впервой такое случилось! Уволить ее, что ли?..

Где-то в глубине квартиры зазвонил телефон.

- Катерина Алексеевна, там Петра Федоровича спрашивают! - Валентина стояла в дверях кухни, Катя уже опомнилась и ничем не дала понять, что видела испачканную рубашку.

- Я поговорю! - Она взяла трубку.

Звонил Муратов. Катя извинилась, что муж не может подойти, и заверила старика, что Петр обязательно свяжется с ним, как только будет возможно. Церемонная вежливость Муратова произвела на нее умиротворяющее действие. Она выслушала еще раз соболезнования и отключилась.

- Ты чего это треплешься с кем ни попадя? - раздался над ухом голос мужа. Оказывается, он давно уже стоял в дверях и слышал их с Муратовым разговор. Катя присмотрелась - вид Петра был ужасен. Глаза налились кровью, волосы всклокочены, лицо серо-желтое, вдобавок еще и перегаром несет.

- Я думала - ты спишь! - Катя ответила спокойно, хотя ее покорило от его хамского тона.

- Ты, блин, ваще думать не умеешь! - заорал он. - Что ты этому старперу наговорила?

- Ничего, - Катя пожала плечами, - он просил, чтобы ты с ним связался, надо, говорит, нам с вашим мужем побеседовать, я ответила, что ты с ним свяжешься, как только сможешь. А если ты слышал, что это он, то и разговаривал бы с ним сам.

- Не твое дело! - рявкнул он. - Сам знаю, что делать!

Катя поняла, что муж злой с тяжелого похмелья, оттого и цепляется к ней. Но она-то при чем? И вопрос с рубашкой остается открытым... Выяснить она ничего не собиралась, но все же следовало мужа немножко приструнить.

- Где ты был вчера так поздно? - спросила она. - Насколько я знаю, с поминок все разошлись часу в десятом, это же не свадьба, чтобы до полуночи засиживаться...

Она рассчитывала своим вопросом мужа смутить, чтобы он сбавил тон и вообще перестал хамить, но не тут-то было.

- Не твое дело! - заорал он. - Где хочу - там и хожу! И никому отчет давать не собираюсь! Хватит уже - погулял на веревочке. Эта старая... все командовала - туда пойдешь, тому позвони, это сделай, да быстро, ноги в руки. Это - не смей, это - не вздумай, скажи то, не говори это, туда и не смотри... Надоело! Теперь я хозяин! Везде! Хотела всюду главной быть - и что? Где она теперь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/natalya-aleksandrova/tayna-staroy-grafini>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)